

A close-up, soft-focus portrait of a woman's face. Her eyes are a light brown color, looking slightly to the right. Her lips are a natural pinkish-red color. The skin is fair and has a subtle glow. The background is a plain, light color.

Карина Демина

*Манго
на губочках*

Карина Демина

Танго на цыпочках

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68222306

Аннотация

Шесть лет Ника ждала, чтобы отомстить убийце сестры. Шесть лет Тимур провел за решеткой, а вернувшись к осколкам прежней жизни, понял: прошлое не собирается отпускать ни его, ни Нику. Таинственные происшествия впервые заставляют девушку посмотреть на себя не как на бледное отражение своей сестры... Но в искаженном зеркалами чужой жизни отражении каждый видит лишь то, что готов видеть. Ненависть? Любовь? Прощение? Или потерянную душу оборотня, приставленного стеречь клад князя Камушевского?

Издавалась под псевдонимом Анна Терн «Отражение»

Карина Дёмина

Танго на цыпочках

Год 1664

Старый костел страдал от холода и сырости, и, если с холодом каменные стены кое-как справлялись, то коварная влага так и норовила испортить роскошное убранство – золоченая лепнина покрылась тонкой пленкой плесени, на белоснежных стенах расцвели пятна, нарядный бархат обвис грязной тряпкой, а лицо Святого Петра изуродовала трещина. Жалко. Видно, придется менять статую, где теперь отыскать такого мастера, чтобы деревянный старик вышел почти как живой, с грустным лицом и скрюченными болезнью руками. Вайда любила Святого Петра. С самого детства она привыкла рассказывать молчаливому святому обо всех своих горестях и обидах, о том, как Боженька призвал родителей с Царствие свое, о том, как грустно живет-ся в этом огромном поместье, где каждый занят своим делом, и никто не хочет играть с маленькой сиротой, как суров пан Януш, старый хозяин, как равнодушен Богуслав, его сын, как набожна немка Каролина, жена Богуслава... Деревянный Петр надежно хранил немудреные девчоночьи секреты, а вот теперь треснул и его, скорее всего, выбросят вон.

Как и саму Вайду.

– Матерь Божья, Пресвятая дева Мария, смилуйся надо мною, грешной, – девушка крестилась, не смея поднять глаз, ей казалось, будто все святые смотрят на нее с укоризной. Не имеет она права молить о снисхождении, да что там молить, она не имеет права даже на то, чтобы ступить на порог этого храма.

«Грешница, – одна единственная мысль билась в голове, – великая грешница». И нет ей прощенья, сколько не молись, ибо Вайда опозорила не только себя, но и весь славный род Камушевских. Не сиротку пригрел Януш – змею подколенную, на доброту предательством отвечающую.

Двенадцать лет росла Вайда под надежным крылом рода, двенадцать лет ее кормили, поили, одевали, и расцвела девушка красотой необыкновенной, даже Каролина, которая ничего, кроме Библии не замечала, и та сокрушалась: дескать, не Богом красота сия дана, от Дявола идет, чтобы искушать сердца людские.

Может, оно и так было, много ли радости с той красоты? Горе одно.

Сначала Богуслав, после смерти отца ставший хозяином поместья, задумал дурное – пожелал с женой, Богом данной, развестись да с Вайдой обвенчаться, и Каролина возненавидела девушку, не смогла простить той, ни предательство мужа, ни утерянную молодость, ни свою бездетность. Шипела Каролина, ругалась по-немецки, бегала к

старухе-знахарке, что у леса обитает, за землей кладбищенской, чтобы Вайду со свету сжить, а, когда не получилось, прокляла разлучницу.

Сбылось проклятье.

– Едут! – Звонкий мальчишеский крик разрушил хрупкий покой старого костела. – Паненко, едут! – уже тише повторил паренек и, сообразив, где находится, бухнулся на колени.

– Далеко? – Спросила Вайда, слезы на глазах высохли сами собой. Поздно плакать.

– Так с Погорья гонец прискакал! – Мальчишка шмыгнул носом и покосился на деревянные фигуры в глубине храма, небось, станет потом рассказывать, как хорошо в костеле. Погорье... Это ведь совсем близко. Дрожащей рукой девушка отряхнула подол платья. Что эс, молитва не принесла облегчения, но прятаться Вайда не собиралась.

От судьбы не спрячешься.

Все было готово к приезду князя, замок словно очнулся ото сна, ожил, обрадовался, подобно тому, как старый верный пес радуется возвращению хозяина. Да только не было людям дело до той радости, в замке князя боялись, ибо нрав у него был отцовский – дикий, неистовый, потому и прозвали князя Туром. Вот и поглядывал дворовый люд на Вайду с сочувствием – не для кого уж не было секретом, что Бо-

Богуслав, которого жена так и не порадовала к тому времени наследником, задумал просить у епископа разрешения на развод с немкой и венчание с юной красавицей. И вот Вайда понесла – и понесла не от князя. Жалели люди девушку, лишь одна Каролина не могла, да и не хотела скрывать своей радости. Не станет теперь князь развода добиваться, не станет жену законную позорить...

Богуслав влетел во двор замка, и Вайде показалось, будто сам Дьявол явился по душу ее. Вороной Каян, княжский любимец, за которого Богуслав серебром по весу платил, задыхался от быстрого бега, тонкие ноги дрожали, а с черных, точно уголь, боков, падала кровавая пена – не пожалел коня князь, значит, и Вайде не стоит ждать прощения.

– Кто?! – От рева Богуслава вздрогнули каменные стены, но Вайда лишь покаянно опустила голову.

– Не гоже на люди сор выносить. – Тактично заметила Каролина, князь лишь заскрежетал зубами, алая пелена гнева застилала разум, мешала думать.

– Вон! Все вон!

Не нашлось человека, который осмелился бы послушаться князя, двор опустел, и лишь обиженные лиловые глаза Каяна следили жестоким хозяином.

– Кто? – Повторил вопрос князь, и у Вайда против воли из глаз посыпались слезы.

А Каролина улыбается, тени скользят по костлявому лицу, гладят впалые щеки, нежно касаются тонких губ и

стыдливой вуалью прикрывают волосы, щедро посеребренные сединой. О, сколь же ненавистно Вайде это лицо, и взгляд тяжёлый, словно буро-зелёный валун, торчащий посреди двора.

Холодна Каролина, Библию в руках сжимает, а о милосердии и слыхом не слыхивала.

– Муж мой. – Но вот голос у нее красивый, тёплый, словно солнышко в верасне, да только обманчиво то тепло, чуть зазеваешься, и застудит, заморозит до лихоманки.

– Если муж мой, – настойчивей повторила Каролина, – уделит мне одну минуту, я буду безмерно счастлива...

– Кто?! – Князь больше не кричал, но от его спокойствия становилось лишь страшнее.

– Адам, – ответила Каролина. – Сын Яна.

– Это правда?

Вайда молчала, да и что она могла сказать? Князь не станет слушать про то, как сладостно замирает сердце, предвкушая встречу с любимым, как весело и беззаботно поют соловьи, как одуряющее пахнет ночной воздух, а похожая на огромную жемчужину луна сама просится в руки.

Адам обещал подарить весь мир, вместе с луной, звездами и сказочно-прекрасным лесом, но, когда Вайда понесла, испугался. Сбежал в отцовское имение, надеясь там спрятаться от гнева князя, переждать грозу, но не вышло. Спустя три дня холопы Камушевского прямо в имении до смерти забили плетью Адама – сына жмудского панцирного

боярина. Старого Яна, пытавшегося вступить за сына, князь зарубил лично.

А Вайду с того самого дня, как Богуслав вернулся в замок, больше никто и не видел, одни люди поговаривали, будто бы девушку князь отвез на болото, да и бросил там, другие – считали, что во гневе зашиб Богуслав несчастную, третьи про монастырь твердили, правду знала лишь Каролина, да еще вороной тонконогий Каян...

Доминика

Вы когда-нибудь танцевали танго? Танец обольщения, написанный самим Дьяволом? Музыка адским пламенем вливается в кровь, и невозможно устоять. Сердце клокочет в такт, а пол горит под ногами и, выгорев дотла, оборачивается пастью, дырой в бездну, и ты уже готова рухнуть, но спасает музыка и руки партнера. Он держит тебя, ты – его, и вдвоем вы парите над пропастью. Красиво, правда? А я так и не научилась танцевать танго. Грустно, тем более, что он умеет.

Он – это мой будущий партнер, не по танцам, а по жизни. Правда, сам он еще не догадывается об этом. Трудно судить, какие мысли бродят в его голове, да и не больно-то хочется. Я знаю главное: сегодня, восемнадцатого июля две тысячи шестого года он выходит. Откуда? Из тюрьмы. ИК-112 в городе Гловине. Общий режим. Шесть лет.

Я ждала его целых шесть лет. Всего шесть лет. Если бы

ему дали двадцать, как он того заслуживал, все было бы иначе. Возможно, я бы вышла замуж и попыталась жить дальше, позабыв про него и про Лару. Но ему дали только шесть. Шесть лет за убийство человека! Смягчающие обстоятельства, видите ли, адвокаты, деньги, связи. Ничего, несмотря на все связи, он все-таки сел, я же позабочусь, чтобы этот гад расплатился сполна.

Когда мысль о мести только-только возникла, я слегка опасалась, что на шесть лет моей ненависти не хватит, что, стоит зажить своей собственной жизнью, и вся эта затея покажется глупой и никому не нужной. Но время научило меня ждать. И через два дня мы с ним встретимся. Два дня – это такая мелочь, по сравнению в шестью годами, но мне они даются особенно тяжело. Какой он на самом деле? Сильно изменился или остался таким же, как раньше? Шесть лет назад у него была самая замечательная улыбка в мире, и светло-серые глаза. А волосы темные. Не каштановые и не черные, а какого-то неопределенного цвета, к которому больше всего подходит определение «темный». Шесть лет назад я любила его тайной любовью глупой семнадцатилетней девчонки, искренне полагающей, будто весь мир создан в угоду ее чувству. А он любил Лару, мою старшую сестру, и, что гораздо хуже, она отвечала ему взаимностью. Тогда Лара казалась мне врагом, воплощением зла, разрушающим мое счастливое будущее, а, когда ее не стало, я растерялась. Как она могла бросить меня наедине с этим миром и моей личной тра-

гедией?

Не хочется говорить об этом, мои тогдашние переживания останутся со мной. Теперь я совсем-совсем другая.

Мне тесно в квартире. Несмотря на сделанный прошлым летом ремонт, здесь все напоминает о Ларе. А по-другому и быть не могло: я все делала так, чтобы ей понравилось. Синие обои – Ларин любимый цвет, желто-зеленая абстракция на стене – моя сестра признавала лишь такую живопись, говоря, что изобразить елочку проще, чем формой и цветом передать чувства. Ей лучше знать, она сама была художницей. Была. И теперь могла бы быть, если бы не он. Шесть лет назад он отобрал у меня и Лару, и мою первую любовь – невозможно любить убийцу собственной сестры.

Это случилось здесь, в нашей – вернее, в моей – квартире. Помню все в мельчайших деталях. Я сидела на кухне, пила чай и плакала, жалея саму себя. Салаватов снова пришел к Ларе, а мне досталось куцее "привет", лучше бы он вообще меня не замечал. А Лара не в настроении, значит, поругаются. У Тимура характер взрывоопасный, да и сестра заводится с полуоборота. И точно, не прошло и десяти минут, как за стеной раздались крики, слушая их, я плавлюсь от удовольствия. Возможно, когда-нибудь ему надоест ругаться с Ларой, и тогда он заметит меня. Я ведь лучше, я люблю его, и буду любить всю жизнь, и ругаться не стану, ведь Лара говорит, что я бесконфликтная. Словно прочитав мои мысли, Тимур орет:

– Мне это надоело! Я ухожу, навсегда, слышишь ты?

– Катись! – Отвечает Лара. Она гордая, она никогда не станет извиняться, даже если виновата.

Громко хлопает дверь, и в квартире воцаряется тишина. Я по-прежнему пью чай, надеясь, что сестра не заглянет на кухню: Ларе, когда она на взводе, лучше на глаза не попадаться. А Тимур вернется, он всегда возвращается и, обрадованная новой победой, моя сестра идет на уступки. Тихий скрип – открывается входная дверь. Значит, я не ошиблась, Тимур возвращается. Чтобы не слышать разговора – противно – засовываю в уши наушниками и врубаю плеер на полную мощность. Думаю о своем: куда поступать. Сестра настаивает на инязе, меня же тянет к медицине. Сколько я так сидела – не знаю, кассета закончилась, а учебник по английскому не вызывал ничего, кроме отвращения. Задумавшись, я не сразу сообразила: за стеной тишина. Ушли? Когда? Куда? Лара всегда предупреждает, если уходит. Еще минут пять тарашусь на остывший чай, потом иду в комнату. Открываю дверь и...

Ненавижу его! На суде он кричал, что не убивал, что произошла ошибка, что он любил Лару и ни в жизни пальцем бы не тронул. А потом вдруг признался, вот так просто взял и сознался, рассказав, что в тот день они поругались, и Лара обозвала его обидными словами. Это случалось часто, но в этот раз злость потребовала выхода, поэтому Тимур вернулся в квартиру. Он говорил, будто попросил ее извиниться, но Лара отказалась и снова повторила сказанное, тогда-то он

и ударил ее ножом.

Ему дали шесть лет, а я бы расстреляла. Нет, в самом деле, шесть лет назад, я бы просто взяла и расстреляла его, но тогда добраться до Тимура не представлялось возможным. Зато сейчас... О, за шесть лет я придумала кое-что получше расстрела. Он умрет, но не сразу.

Я долго готовилась. Я многому научилась. Всему, кроме танго.

А вы когда-нибудь танцевали танго?

Тимур

Возвращаться было страшно. Тимур ждал этого дня целых шесть лет, а теперь растерялся. Что его ждет там, снаружи? Мир, несомненно изменился, но в какую сторону? Что стало с его фирмой, квартирой, с друзьями и подругами, вообще, помнит ли кто-нибудь о таком человеке, как Салаватов Тимур Евгеньевич. Вряд ли, за шесть лет – ни одного письма, не говоря уже о свидании либо передаче, шесть лет полной тишины, словно и не было мира там, по другую сторону стен. Но он был и теперь придется вживаться в него, привыкать, приспособливаться, вспоминать себя прошлого и убивать себя нынешнего. Тимур, выцарапав из растрепанной пачки сигарету, закурил. Дурная привычка, привязавшаяся к нему в первый год отсидки, тогда происходящее казалось ему некой затянувшейся игрой. Он все ждал, что, еще день, еще два, и

ТАМ разберутся, поймут, что он не виноват и отпустят. Но там не понимали. Не хотели понимать. Там вообще никому не было дела до Салаватова Тимура Евгеньевича, предпринимателя.

Нет больше предпринимателя, зато есть бывший заключенный Салаватов, Тимка-Бес. Поезд блистал облупленными синими боками. Опухший после долгого сна проводник долго и придирчиво рассматривал билет, точно не мог решить, стоит ли пускать неприглядного пассажира в вагон, или лучше послать его подальше. Но, наконец, пробурчав нечто невнятно-недружелюбное, вернул билет и махнул рукой. Значит, можно садиться.

В вагоне пахло потом, туалетом и слегка подгнившими фруктами, но Тимур был личностью не избалованной: повезут, уже хорошо. Он достаточно четко представлял себе, как выглядит – худой мужик, по самые глаза заросший щетиной, и одежда мятая, пропахшая вековой тюремной пылью. Такого не то, что в вагон, в сарай впускать страшно.

Поезд стоял еще минут десять, вагон медленно наполнялся людьми. Семья с уверенной в собственном превосходстве над всем миром мамашей, забитым, суетливым папашей и наглым пацаненком в кожаной куртке. Старик с целым ящиком крупных, с кулак бледно-желтых яблок, такое на свет посмотришь, и все зернышки видать. Веселая компания: три парня и две девчонки. Девчонки, ошупав Тимура надменно-любопытными взглядами, тут же зашептались. Дедок за-

ботливо укутывал яблоки рваной дерюжкой, а мамаша-тиран с ходу принялась упрекать мужа за выпитое им пиво. Последней в вагон вошла тяжелая, неповоротливая, словно корабль-броненосец, тетка. Легкое ситцевое платье, бесстыдно обтягивающее валики жира на боках, промокло от пота, щеки пылали жаром и вообще, женщина выглядела так, словно вошла в вагон прямо из бани.

– Жарко! – Заявила она, устраиваясь напротив Тимура. Нашла где, в вагоне полно свободных мест, а она к нему приперлась. От тетки пахло дешевыми духами и пончиками с повидлом.

– Не люблю одна ехать, а вот пришлось.

Салаватов вежливо кивнул. Ну, теперь заболтает вусмерть. Но, достав из необъятной, под стать хозяйке, сумки журнал в глянцевой обложке, дама углубилась в чтение. Тем лучше, Тимур закрыл глаза, наслаждаясь покоем.

Мерное покачивание поезда убаюкивало и, прислонившись к перегородке между полками, Тимур задремал. Следовало бы лечь нормально, но он так долго мечтал о том, как будет ехать домой, что сама мысль о сне казалась кошунственной. Тимур наслаждался звуками, прорывающимися сквозь блаженную полудрему: стук колес, голоса, далекие и близкие, скрип, шаги... Совсем некстати появились запах, волшебный аромат жареной курицы, это, наверное, соседка, похожая на затянутую цветастым ситцем гору, решила победать. Ни с кем другим аппетитный запах не вязался, же-

лудок предупреждающе сжался.

– Мужчина. – Ну, вот, журнал дочитала, теперь пообщаться хочет.

– Да?

– Вы угощайтесь. – Она подвинула неловко разодранную куриную тушку поближе к нему и поспешно, словно опасаясь передумать, выложила рядом крупные мясистые помидоры, чуть влажноватый, упарившийся в пакете хлеб да соль в спичечном коробке. Больше всего Тимура умилила именно эта соль. А, говорят, перевелись в России добрые люди.

– Угощайтесь, угощайтесь. – Толстуха жизнерадостно улыбалась, а Тимур мучился совестью. Брать продукты у случайной попутчицы было неудобно, но до Бахтинска еще сутки пути, а у него в кармане – вошь на аркане да бутерброд с сизой суррогатной колбасой. Еще вопрос, съедобна ли она.

– Ешьте! – Приказала женщина. – Оголодали, небось, за решеткой-то.

– С чего вы решили? – Неужели, он настолько изменился за шесть лет, что теперь каждому видна и его отсидка, и, не приведи Господи, статья?

– С чего, с чего, – попутчица вытерла пальцы бумажной салфеткой, – так места ж тут такие, половина народу сидит, другая сторожит, а на сторожа, извиняй, ты не похож.

– Понятно.

– Не знаю, чего там тебе понятно, только вот если мы эту куру не съедим, к вечеру затухнется.

– Спасибо. – Плюнув на этикет, Тимур осторожно взял еще теплую куриную ножку, ароматный жир потек по пальцам. Салаватов пальцы облизал и аж зажмурился от удовольствия.

– Хлеб бери. И помидорку.

– А вы обо всех так заботитесь? – опыт Подсказывал, ничто не бывает за просто так. Тетка, против ожидания, не обиделась.

– Нет, конечно. Приглянулся ты мне, тихий больно, забился в уголок и носу не кажешь, дай, думаю, поговорю с человеком, и ехать веселее будет. Тебе далеко?

– В Бахтинск.

– Далеко. Я раньше выхожу, в Ельчике. Слышал о таком?

Тимур отрицательно мотнул головой, не слышал и слышать не хотел. По телу разливалась сытость, хотелось лечь, вытянув ноги, да с головою уйти в успокаивающий дорожный сон.

– Маленький поселочек, две улицы, три дома. Большой срок-то был?

– Шесть лет.

– Ну, это еще не много, и по десять сидят, и по двадцать, и боле того. А за что дали?

За глупость, хотел сказать Тимур, но тогда придется объяснять, и не факт, что она поверит, а ему вспоминать больно, гораздо больнее, чем сидеть. Тетка правильно все поняла.

– Не хочешь, не говори, твое дело, гляди только, снова не

вляпайся.

Ну, спасибо ей за пожелание. Второй раз. Он и первый-то пережил с трудом. На память о зоне остался кашель в легких, глупая синяя татуировка на левом предплечье да шрам на груди. Больше всего Салаватов стеснялся именно татуировки, которая словно бы привязывала его к тому, чужому миру, спрятанному за колючей проволокой.

Тетка еще что-то говорила, но Тимур уже не слушал, считая про себя секунды, как когда-то считал дни. Еще немного, и он дома.

Лара.

Мой дневничок.

Спи моя радость усни, в доме погасли огни... В доме огни. Их так много, целая россыпь желтых огней, хочется подхватить ее на ладони, подуть, чтобы она пылью слетела на землю, но тогда вокруг будет темно. Пыталась писать. Получаются какие-то кляксы. Ужасно глупо, наверное, во мне не осталось ни капли таланта. Тимур утешает, можно подумать, мне нужны его утешения. Мецанин, что он вообще понимает в искусстве, только и делает, что поет. Не делай того, не делай сего. А я хочу и буду!

Вот шифр придумала, наверное, тоже, чтобы отличиться. С шифром вести дневник интереснее, чем без шифра, да и если кто лишний раз нос засунет, то не так напряжно, что прочтут.

Тяжело. Депресняк. Почему же мне так плохо? Это они виноваты, тетка и Ника. Старая клуша постоянно тыкала мне в нос чужие грехи, а Ника просто мешает жить. Но выгнать нельзя, родственница все-таки, да и Олежек прекратит деньги давать. Заботится, блин, было бы о ком. Господи, я поражаюсь, насколько она серая! Ни за что бы не поверила, что человек может быть таким никчемным. Как хорошо, что я другая.

Я другая! Я – ДРУГАЯ! Нужно только постараться, чтобы остальные заметили. Уехать бы, отдохнуть, тогда и вдохновение вернется. А этот город, Ника, Тимур, они давят на меня своей серостью и обыденностью, тянут за собой в болото. Ну уж нет, я в болото не хочу.

Есть способ. Алик клянется, что помогает. Я решила попробовать, это не так страшно, сидеть, уставившись на белый лист бумаги куда как страшнее. С одного раза ничего не случится, я только посмотрю...

Тимур

– Эй, мужчина, проснись! – Кто-то толкнул в плечо, Тимур через силу разлепил веки, он не помнил, что ему снилось, что-то тяжелое, в груди болит, и дышать тяжело.

– Проснись, слышишь?! – Тетка настойчиво трясла за плечо.

– Я проснулся. – Салаватов слабо отмахнулся от назойли-

вой попутчицы, мышцы затекли и отказывались подчиняться.

– Что снил-то?

– Ничего.

– Ага, я вижу, что ничего. Только орал на весь вагон, вона, зазря людей напугал. Тебе, парень, нервы лечить надо.

Надо, никто и не спорит, и нервы, и душу, и пошатнувшуюся веру в людей и Бога. Только где ж такого врача найти?

– Лару все какую-то звал, кто она такая? – Глаза тетки светились любопытством, и Тимур, не желая разочаровывать сердобольную попутчицу, ответил.

– Невеста.

– Тогда понятно. Думаешь, дождалась?

Нет. Не думает, точно знает – не дождалась. Лара, его Лара умерла. Он виноват, только он и никто другой, и даже тюрьма не сумела очистить его от чувства вины. Но толстухе этого знать не полагается.

– Хочешь, погадаю? – Не дожидаясь согласия, тетка шустро раскинула карты. – Вижу... Вижу предстоит тебе дорога дальняя, дорога длинная, дом казенный... прошлого берегись, на прошлое надейся. Смерть вижу... Любовь... Пршлое над тобою висит, не за свои грехи платишь.

– Спокойной ночи. – Сил на то, чтобы выслушивать подобную ерунду, у Салаватова не было, и, перевернувшись на другой бок, Тимур закрыл глаза. Лара, милая Лара, когда же ты простишь, когда отпустишь душу грешную, когда позво-

лишь снова себя человеком ощутить, а не тварью проклятой? Ответ лежал на поверхности. Ответ подсказала сама Лара, которая снилась ему в ночных кошмарах и грезилась наяву.

Сначала найди. – Так она сказала.

Найди.

Доминика

По моим расчетам поезд прибыл вчера. На вокзал я не пошла. Во-первых, показываться было рано. Если нарушить последовательность, замысел не удастся. Во-вторых, просто страшно, а вдруг увижу его и... Нет уж, лучше подождать. Поэтому я просто обвела знаменательную дату красным кружком и навестила Лару. Я знаю, ей нравятся мои визиты, пусть говорят, будто мертвые мертвы, но моя сестра, она и из могилы отвечает мне. Анютины глазки расцвели, значит, Лара довольна. Она всегда любила цветы.

Коротко обрезав толстые стебли роз, я пристроила букет в пластиковую бутылку. Раньше была ваза, но ее украли.

– Он сегодня приехал.

Лара улыбнулась. Удачная фотография, самая лучшая, здесь ей двадцать два, она счастливо смотрит на мир, веря, что впереди еще целая жизнь. Моя сестра собиралась дожить до ста лет, а умерла в двадцать четыре. Ублюдок Тимур украл целых семьдесят шесть лет ее жизни.

– Ты не думай, я не собираюсь отступить. Я не боюсь.

Больше я ничего не боюсь. – В носу предательски защипало, пришлось потереть ладонью, стало легче. А Лара улыбается, смотрит сквозь меня и улыбается.

– Интересно, он сильно изменился? Постарел, наверное, и вряд ли такой красивый, как раньше. Ты, наверное, не знаешь, я ведь тоже его любила. И тебе завидовала.

Камень холодный, и земля холодная, но на кладбище по моим наблюдениям холодно всегда: зимой чуть больше, летом меньше. Густые кроны тополей ловят солнце, и лишь редким лучикам удается пробиться к земле. Они пристыжено скользят по гранитным глыбам, в которых люди тщатся увековечить память, и, утомившись, гаснут. Трава влажно блестит, а по Лариному лицу катятся слезы. Я знаю, что это не слезы, а та же роса, что и на траве, но душа вновь скручивается болезненным штопором. Оправдываюсь.

– Ты ведь красавица, не то, что я, замухрышка. Помнишь, меня еще со всех кружков выгоняли, потому как бесталанная? Ну, и с хора, и с хореографии, и с ИЗО? Ты еще переживала, что толку с меня не выйдет.

Солнечный луч скользнул по фотографии, и мне показалось, что Лара улыбается. Она и раньше веселилась, когда меня выпирали с очередного кружка, не понимая причин моей тоски. Ну да, куда ей, она ведь всегда была самой-самой. Самая красивая, самая умная, самая талантливая... А я? Ни слуха, ни чувства ритма, ни терпения, вообще ничего. В школе с тройки на четверку перебивалась, учителя, пом-

нившие Ларочку, тихо стонали, пытаясь подтянуть меня до сколь бы то ни было приличного уровня. Ларины друзья, сравнивая меня со старшей сестрой, неизменно приходили к выводу, что я – потрясающе бесцветна. Про кружки детской самодеятельности уже сказала. В общем, к семнадцати годам за мной прочно закрепилась репутация ленивой ничем не примечательной девицы, на которой природа, что называется, отдохнула. Только Лара говорила, что я – потрясающая, остальные же...

Остальные куда-то исчезли после Лариной смерти, вместе с ними пропал музыкальный центр, телевизор и ковер со стены. Хорошо, хоть денег не нашли, иначе было бы совсем тяжело.

– Как ты думаешь, я права?

Этот вопрос мучил меня последнее время. Я отмахивалась от него, пыталась убедить самое себя, что права, что другого выхода нет, он виноват, и, значит, должен понести наказание. Тот, кто сказал "не судите", не терял близких, иначе, я уверена, он понял бы. Я не судила, я просто решила избавить мир от одного убудюда.

Поправив розы – букет получился немного неровным, оттого банка норовила упасть, я поднялась. Домой пора, нечего рассиживаться, когда работы выше крыши.

Год 1905. Начало истории

Волк стоял неподвижно и смотрел желтыми немигающими глазами на старый дом, неловко приткнувшийся на низком берегу Плиссы. Он привык наблюдать за людьми, и иногда в лобастую голову приходила мысль о родстве с этими странными существами, которые ходят на двух ногах и заворачиваются во множество шкур, в такие минуты волк испытывал желание выйти к ним, останавливала осторожность. Серый охотник помнил о смерти, живущей в железных трубках.

Стася который день кряду ощущала на себе чужой взгляд. Она даже хотела рассказать о нем отцу, но тот ночью умер. Третьего дня фельдшер, за два мешка картошки вызванный из Погорья, сказал, что старику осталось несколько дней и помочь он уже ни чем не может. Два дня Степан хрипел, хватая пересохшими губами воздух, метался в бреду, звал свою Алесю, Стасину мать, что пять лет назад померла от чахотки, и вот, под утро преставился сам. Видать, сжалился над стариком Боженька, прислал любимую супругу, ибо помер Степан с улыбкой.

А Стасе теперь вот хоронить придется, одной не справится – земля еще тугая, по-весеннему мерзлая, не хватит у нее сил яму вырыть. Девушка взяла посох и побрела к соседу. До хутора Василя было версты две. Стася хорошо знала

тропинку и никогда не боялась по ней ходить, ни днем, ни ночью, да и не было для нее разницы – слепым глазам свет не нужен. Сейчас же ей было жутко, то ли от сознания того, что она осталась совсем одна, то ли от ощущения, что неведомый враг преследует ее по пятам. Временами казалось, будто она слышит его дыхание. Наконец Стася не выдержала и побежала.

– Бедная девочка, – потом успокаивал ее Василь, гладя по голове, а губы чтобы она не слышала, шептали – как же ты теперь, горемыка незрячая. Василь не мог взять Стасю к себе, – у самого в хате не протолкнуться, жена, дети, внуки, еще один рот никак не прокормить. Но с похоронами помог, могилка получилась неглубокая, а крест, связанный из двух палок и вовсе косою – стоит, шатается под ветром, день-два и рухнет, еще через недельку зарастет холмик травой, через год поляна выровняется, и лишь человеческая память будет хранить смутный образ свежего холмика да скособоченного креста над ним. У Стаси и того не будет. Василь постоял немного у могилки, тяжело вздохнул и ушел.

А ближе к вечеру небо разродилось дождем, истосковавшая по весне земля жадно глотала холодные капли черными губами. Стася дождь не любила – мокро, холодно и звуки искажаются, как сейчас ветка хрустнула – а не поймешь, далеко ли, близко. Стася обернулась.

– Есть тут кто?

Тишина, лишь капли шелестят, да тяжелые стволы до-

вольно поскрипывают, смывая зимнюю пыль.

*– Есть тут... – и в последний миг она почти увидела...
Словно черная пелена, окружавшая ее с рождения, отступила перед этим удивительным весенним дождем, а в следующее мгновение пришла боль...*

Тимур

Столица встретила июльской жарой, пылью и беззаботно-безоблачным небом. Людское море, зажатое между перронами, пыхтело раздражением и особой, летней усталостью, которая случается вовсе не от работы, а от погоды. Температура градусов под сорок, тело истекает потом, словно кусок сала на раскаленной сковороде, того и гляди, останется одна большая мутная лужица, но Тимур меньше всего думал о жаре. Ему было хорошо, он, наконец-то дома. Ну, почти дома. Сейчас пара остановок на автобусе, а потом небольшая пешая прогулка, можно будет подышать свежим воздухом, мечтая о том, как выбросит из головы все, что было раньше, и заживет с чистого листа.

Нос нестерпимо чесался от запахов: пот, автомобильные выхлопы, краска, плавящаяся на раскаленном почти докрасна боку монстра-паровоза, духи, яблоки, пыль... Запахов было слишком много, и Тимур чихнул.

– Будьте здоровы. – Вежливо сказала кроха, лет пяти от роду. Бдительная мамаша тут же уволокла чадо подальше от

подозрительного типа, но Салаватов все равно ответил положенное "спасибо".

Ее он заметил, когда почти выбрался из толпы. Почувствовал на себе чужой, внимательный взгляд и обернулся.

– Лара?

Сердце обмерло, но тут же забилося с утроенной силой.

– Лара?!

Девушка стояла чересчур далеко, чтобы услышать. Но она, видимо, по губам прочла, и рассмеялась. Тимур заморожено смотрел как запрокинулась голова, золотые волосы тяжелой волной упали назад, стекая по плечам, глаза зажмурились... Лара постоянно жмурилась, ей казалось, что таким образом она подчеркивает свое сходство с кошкой. Нет сомнений, это она, Лара, Ларочка, Ларчик драгоценный, но тогда... Невозможно.

Возможно. Ты просто бредишь, окончательно крыша поехала, вот и мерещится всякое. Единственный способ убедиться в том, что это Лара, или, наоборот, не она, – догнать девушку. Тимур начал пробиваться сквозь толпу. Туда, к парапету, на котором она стоит. Быстрее, быстрее, быстрее. Салаватов пытался бежать, но человеческое море, словно специально, делало все, чтобы он не успел. Компания студентов с гитарой и сумками, споткнувшись о которые Салаватов едва не упал. Тетка в соломенной шляпе с соломенной же корзиной в руках. Грузчик с тележкой. Жиденьякая колонна школьников в сопровождении бледной от жары и ду-

хоты учительницы... Людей слишком много и каждый, каждый норовит толкнуть, задеть, задержать, не понимая, что ему очень нужно заглянуть в лицо той девушке...

Она ушла. Когда Тимуру удалось-таки добраться до заветного места, ее уже не было. Никого не было, только толстый рыжий кот дремал на горячем камне. Значит, показалось.

Все-таки показалось.

Доминика

В квартире кто-то был. Я точно знаю, что был, но при всем желании доказать не сумею. Вещи на своих местах, ничего не пропало, а, значит, милицию вызывать бессмысленно. Не станешь же им рассказывать про то, что фарфоровая русалочка раньше стояла на книжной полке напротив "Петра I", а теперь перекочевала к "Поющим в терновнике". И про циперус, который совершенно самостоятельно повернулся другим боком к солнцу, они тоже слушать не станут. Посоветуют пить меньше, или, поскольку на алкогольичку я не похожа, то меньше смотреть всяких сериалов.

Я вообще сериалы не смотрю, времени нету, зато четко знаю – в моей квартире кто-то был. В воздухе едва уловимо пахло духами. Сладкие. "Черная магия". Откуда я знаю? Да все проще простого, Лара обожала именно этот запах, все ее вещи, даже белье, насквозь пропитались этой чертовой "магией", которую я искренне ненавидела за приторную, навяз-

чивую слащавость.

Балкон. Нужно открыть балкон, чтобы проклятый запах убрался из квартиры, пусть уж лучше пыль вкупе с тополиным пухом, чем "Черная магия". Я металась по квартире, замечая следы чужого присутствия. Русалочка. Циперус. Сегодняшняя газета, небрежно брошенная на диван, кружка с остатками кофе в мойке... Я не пью кофе! Я вообще его дома не держу!

А на кухонном столе записка: "Суп в холодильнике, не забудь разогреть. Меня не жди, буду поздно."

Лара? Лара! Разум твердил, что это не возможно. Но разум же узнал ее почерк! Вот перекошенное на один бок "С", "х" похоже на поставленный на бок крестик, "д" гордо задрало хвост вверх. Этот почерк я узнаю из тысячи, я ведь шесть лет училась писать, как она, со всеми перекосами, крестиками и хвостиками. И бумага пахнет "Черной магией". Открыв холодильник, я убедилась в наличии большой кастрюли щей. Лара обожала щи, хотя всем говорила, что варит их исключительно ради меня, уж больно суп из капусты не вязался с ее образом. Такой как моя сестра с рождения положено любить французскую или, на худой конец, итальянскую кухню, а никак не щи с салом. Опустившись на пол рядом с холодильником, я заревела.

Мой дневничок.

Снова могу жить! Это чудесно! Непередаваемо! Неопишу-

емо! Алик, умничка, был прав. Главное, не увлекаться, тогда все будет в порядке. Буду использовать время от времени, когда совсем туго станет. До сих пор поверить не могу, что я на это решилась. Тимур, если узнает, разорется. А, плевать, пусть катится ко всем чертям, я уже взрослая, знаю, что делаю. Салаватов мне не указ.

Но Алик, Боже мой, Алик просто чудо! Спаситель. Я уже реально думала, что еще немного и крыша поедет от тоски. Одна сигаретка и тоску как рукой сняло! Теперь во мне столько энергии, могу работать сутками. Вчера вот написала "Рай". Кому сказать, что я видела его собственными глазами – не поверят. Ну и пускай думают, что я талантливая, тем более, это правда.

Ника снова на тройки съехала, кто бы знал, как мне надоело возиться с этой малявкой. Она простейших вещей не понимает, а еще в медицинский собралась. Училище – вот ее потолок. Репетиторов нанимать не стану, и без того с деньгами напряг, пусть сама выкручивается, благо, учебников хватает, а вот мозгов нет. Впрочем, это ее проблемы.

Мой рай черного цвета. Это бездна и живое время, точнее сердце, которое бьется и Вселенная отвечает ему, роняя звезды-бабочки на землю. Написала и поняла, какая это чушь. Не умею словами описывать, другое дело краски, там сразу все понятно. Алик сказал, что я талантище. Один он способен оценить мои работы, Тимур вертит носом, Ника восхощенно повизгивает, хотя не способна отличить порт-

рет от пейзажа, остальным главное выпить да пожрать на халяву. Алик – другое дело, если бы он, а не Салаватов замуж позвал, пошла бы, побежала бы на край земли. Но Алик слишком ценит свою свободу, чтобы привязывать себя к другому человеку. Жаль. А, с другой стороны, я ведь тоже остаюсь свободной. Я могу летать.

Я летала. Вчера.

Тимур.

Дорога до квартиры заняла целую вечность. Салаватов брел, настороженно вглядываясь в лица прохожих: а вдруг она снова появится, вдруг не сбежит, а дождетя его, скажет... Скажет: "Найди его". Найди, найди, найди. Гадкие слова молоточками стучали в висках. Наверное, со стороны он был похож на пьяного, Тимур иногда ловил на себе взгляды, полные пренебрежения, сочувствия либо брезгливости. Но шкура за годы отсидки порядком огрубела, и плевать Салаватов хотел на взгляды. Дважды останавливал патруль, но, слава богу, дело ограничивалось строгим внушением.

У собственного подъезда внезапно одолел приступ робости. Каково там, в квартире? Пыльно, наверное, и жарко, как в печке. Или, наоборот, холодно, несмотря на июль. Ожидания оправдались. И пыльно, и пусто, и жарко. Тимур распахнул окно, пусть застоявшийся, мертвый воздух сменится уличным, вонючим, но живым. Похоже, скучать не придется, тут еще чертова уйма дел. Главное, квартира цела, не

продали, воспользовавшись отсутствием хозяина, не обнесли, правда, выносить там особо нечего, но все же. И тайник цел целехонек, его Тимур еще при Союзе сделал, когда валютой занимался, да и после скоропостижной кончины великой империи тайничок использовал, банкам не доверяя. Вот и пригодилось, с банком его еще не известно, как дела обстоят, а в тайнике доллары шесть лет спокойненько пролежали, и еще столько же лежать могли.

Нет уж, хватит с него и одной ходки.

Письмо пришло на следующий день. Салаватов проспал до обеда, не оттого, что так уж утомился, прибираясь в квартире, а оттого, что мог себе позволить валяться хоть до обеда, хоть до ужина, хоть до третьего пришествия. Но, в конце концов, голод взял верх над ленью, и Тимур не только встал, но и сходил в магазин. А, возвращаясь, заглянул в почтовый ящик и обнаружил там письмо. Белый конверт, без обратного адреса, пахнет так... знакомо. Этот едва уловимый аромат прочно ассоциировался в сознании с Ларой. Ее духи, любимые, как же они назывались?

"Черная магия"

Конверт Тимур положил на кухонный стол. Не станет он открывать, все равно там ничего хорошего. Вот возьмет и выбросит. Только поест сначала, ведь желудок прямо воет от голода. Закрыв глаза, Салаватов представил, как сейчас нальет большую кружку холодного молока, а свежий хлеб

солью посыплет... Вкуснотища. Но чертов конверт самим фактом своего существования умудрился испортить завтрак. Молоко по вкусу не отличалось от воды, а хлеб был не таким, как раньше. Это из-за конверта. Тимур понял, что умрет, если не прочтет письмо.

Аккуратно, чтобы не повредить послание, он разорвал пахнущий "Магией" конверт. Итак, же она написала?

"Мне так плохо без тебя "

– Мне так плохо без тебя, – повторил Тимур. – Если бы ты знала, как мне плохо без тебя.

И, скомкав бумагу, Салаватов швырнул ее в мусорное ведро: с глаз долой – из сердца вон. Можно будет убедить себя, что ничего такого и не было. Показалось. В очередной раз показалось, ему ведь часто снилась Лара, так что ж тут странного, что он и наяву стал бредить.

Доминика

Суп я, после непродолжительного раздумья, съела. Ну а что с ним еще прикажете делать? Не выливать же. Вкусный оказался; совсем, как раньше: капусточка нарезана тоненько-тоненько, картошечка квадратиками, а лука нету, Лара лук на дух не выносила, ни сырой, ни жареный, ни пареный, поэтому я получила очередное подтверждение своей бредовой гипотезе. В квартире была Лара. Да, дико звучит, но ведь случается же такое, что мертвые навещают живых. Она про-

сто очень сильно любит меня, оттого и явилась поддержать в тяжелый момент. От этой мысли на душе стало радостно и спокойно, я ведь знаю – Лара не причинит мне вреда.

И бросив письмо в Тимуров почтовый ящик, я на крыльях понеслась домой – а, вдруг, получится увидеть ее? Мне столько нужно рассказать. В квартире снова пахло духами, Ларина любимая "Черная магия". Я сегодня тоже купила, специально для письма. Он вспомнит, должен вспомнить. Жаль, не увижу его лица. Испугается? Выкинет? Может, разрыдается, раскаинаясь в содеянном? Но поздно, мне не нужно раскаяние!

Сегодня Лара оставила на столе открытую пачку томатного сока, она признавала только такой. Я даже в стакан наливать не стала, пила прямо из пакета. Сок был холодный и вкусный, от нахлынувшего счастья закружилась голова, и, не в силах справиться с эмоциями, я закружилась по комнате. Стоит ли горевать, когда мир удивительно прекрасен?

– Конечно, не стоит. – Ларочкин голос раздался прямо в голове, и это тоже было правильно. – Зачем горевать, если я тебя люблю?

Год 1905. Продолжение

– Ну-с, милейший, рассказывайте, чего у вас тут случилось? – Аполлон Бенедиктович закурил, кое-как устроившись на шатком деревянном табурете, ножки которого под

весом следователя угрожающе разъехали. Аполлон Бенедиктович давным-давно уже перестал обращать внимание на всякие мелочи, вроде поломанных стульев или грязных окон, единственное, что более-менее волновало его – сквозняки, от сквозняков у Аполлона Бенедиктовича начинались боли в пояснице, а они, в свою очередь, мешали думать и работать. Подумать: вроде и не старый – сорок лет, самая мужская сила, но кости по ночам ноют, мстят за лихие молодые годы, когда на голой земле спал да сеном укрывался, теперь и пуховая перина не спасает.

– А чего рассказывать, ваш благородие? – Перед высоким начальством Федор, местный жандарм, робел, поведение же этого господина с внешностью крестьянина и глазами Святого Петра – аккурат один в один, как на иконе в местной церквушке, куда Федор навещался регулярно, не то, чтобы у жандарма грехов накопилось, просто принято так – ставило в тупик. Начальству надлежит гневаться, кричать, обзывать подчиненных непотребными словами, милостиво принимать подношения в виде жареных гусей и рябиновой настойки, и уезжать. А этот сидит, не орет, ногами не топает, разговаривает, как с равным, даром, что в чинах немалых.

– А все и рассказывай, да ты садись, садись.

– Как можно? – До глубины души поразился Федор, сидеть в присутствии высокого начальства не полагалось. – Ваш благородие?

– Садись. – Тверже повторил следователь. – И благородием величать не надо, чай, не генерал. Значит, волк у вас тут завелся?

– Волк! – Федор осторожно присел на краешек табурета – перечить начальству не пристало, сказано сесть, значит, выполнять нужно, а ну как Палевич разозлится, коли жандарм не сядет. – Истинная правда, волк!

– Ну, и давно завелся?

– Давно! Еще когда земли сии только-только к Российской короне перешли, – Федор примолк – тема-то запретная, но начальник молча кивнул.

– Вот, тут дальние поместье имеется, оно старое, и, как мне бабка сказывала, а ей – ее бабка, а ей...

– Я понял, – Аполлон Бенедиктович улыбнулся, его всегда забавляли «правдивые» местечковые легенды, более того, он коллекционировал истории. А что, одни портсигары собирают, другие книги, а он легенды, и коллекция его богаче иных будет, поэтому слушал жандарма Палевич внимательно – пригодится история. Имелась у Аполлона Бенедиктовича одна тайная мечта – книжку издать...

– И свез он тогда Вайду в болота, да и бросил там, на смерть лютую, волкам на съеденье. Но не тронули сироту звери дикие, пожалели, так и жила Вайда в волчьем логове, а, как срок пришел – родила сына, да и померла. Ребенка же волчица молоком своим выкормила, и стал он волколаком. С тех пор и рыскает, ищет Камушевских, и только когда весь

род, до последнего человека, истребит, будет ему облегчение – скинет волчью шкуру, человеком станет.

– Надо же, – подивился Аполлон Бенедиктович фантазии местного люда. – И что, много уже загрыз?

– Ну, Стаську, лесникову дочку – раз, Олега Камушевского – два, а еще минувлым летом Янка в болотах пропал, знатный кузнец был, одно, что блаженный, все клад проклятый найти мечтал. И корову у мельника зарезали!

– А раньше, раньше были случаи нападения волка на людей?

– Когда раньше?

– Пять лет назад, десять, двадцать... Сколько оборотень живет?

– Ну... Давно. – Федор явно не понимал, чего от него хотят, нервничал, и окончательно терял способность мыслить здраво.

– Если он живет давно, – спокойно повторил вопрос Аполлон Бенедиктович, – и охотится за Камушевскими, то должны быть жертвы.

– А тот как же! – Встрепенулся жандарм, – Ясно дело! Богуслав-то на болотах и помер, конь спужался, понес, а князь в седле удержаться не сумел, так себе шею и свернул. И внук его на охоте погиб, на этих самых болотах. И отец Олегов тоже.

– Волк загрыз?

– Да не, болячка его скрутила, оттого и помер, а болячку

ту волколак наслал!

– Зачем?

– Чтоб Камушевского загубить. – Пояснил Федор. – Волколаки, они ж на ворожбу скорые, и с нечистью знают, им болезнь наслать – раз плюнуть!

– Интересно... – В оборотней Аполлон Бенедиктович не верил, но, раз уж послали его сюда разбираться с этим делом, то ничего нельзя упускать из виду. Во-первых, не мешало бы в ледник заглянуть – по настойчивой просьбе следователя тело убитого волком Олега Камушевского не хоронили, а, во-вторых, побеседовать с его братом, единственным свидетелем происшествия.

Тимур

Второе письмо Салаватов обнаружил на столе. Вот так, вышел из дома утром, вернулся и обнаружил перевернутую чашку с остатками кофе и конверт.

– Проклятье!

Фокус с кофе Тимура несказанно разозлил. Какое право она имеет так обращаться с его вещами: пятна со скатерти не выведешь, во всяком случае, он понятия не имеет, как их отчистить, а в доме и без грязной скатерти бардак. И конверт заляпало. Запах кофе почти перебивал аромат "Черной магии". Почти, но не совсем. Мокрая бумага разлезалась под пальцами. Всего два слова: "За что?"

– За что? – Тимур скомкал тетрадный лист. За что, значит? Действительно, за что. Чем он заслужил такое? Это не Лара, она не стала бы спрашивать "за что". Она ведь знает.

А он дурак, если решил, что мертвые возвращаются. Нет, такое бывает лишь в фильмах ужасов, а в реальности мертвыми прикрываются живые. Кому-то очень хотелось, чтобы Лара ожила.

– Лара, Лара, Лара... Лара. – Тимур провел пальцем по кофейной луже. А ведь он почти поверил, он очень хотел увидеть Лару и вот, пожалуйста, желание почти исполнилось.

Развернув лист, Салаватов прочел еще раз:

– За что.

Почерк Ларин. И подпись ее. Впрочем, это еще ни о чем не говорит, на зоне хватает умельцев, которые не то, что подпись, отпечатки пальцев подделают. Ключи? Призраку ключи не нужны, а вот человеку без них в квартиру не попасть. Ключи, ключи, ключи. Всего связки было три. Первая и сейчас в кармане лежит, вторую Тимур Ларе отдал, надеясь, что она переберется к нему. Третья, запасная, хранилась в тумбочке под телефоном. Салаватов проверил: ключи висели на месте, но опять же, с ключей можно снять слепки. Нет, таким образом призрака не поймать.

А если логически подумать?

Доминика

Второе письмо я оставила в квартире, хорошо, что Салаватов замки не сменил. Ключи мне еще от Лары остались. Пока Он сидел, я несколько раз ходила на квартиру. Я могла бы продать ее, или поселить жильцов, или вынести вещи – за Тимуровым жилищем никто не следил – но не стала ничего такого делать. Я сидела на его кровати, мерила его вещи, читала его письма. Салаватов писал письма Ларе, но, полагаю, не отправил ни одного, в противном случае, они лежали бы в Лариных вещах, а не в Салаватовском шкафу.

С последнего моего визита месяца четыре прошло, а практически ничего-то и не изменилось. Разве что пыли поменьше стало, да и воздух не такой затхлый. В коридоре на вешалке висит кожаная куртка, светлая, раньше такие в моде были, и Салаватов курткой гордился, а Лара сказала, что за модой только дураки гоняются.

Куртка пахла кожей и грязью. Фу, гадость какая. И вообще, спешить надо, а не одежду обнюхивать. На все про все ушло три минуты, кофе из термоса пахло одуряющее, "Черная магия", купленная специально ради Салаватова, просто воняла. С некоторых пор этот запах вызывал странные ощущения, не могу сказать, что неприятные. Просто странные.

Дверь захлопнулась с еле слышным щелчком. Интересно, он удивится или испугается? Вот бы посмотреть, но нельзя,

если Салаватов заметит меня, план рухнет. Рано ему показываться. Пока рано. Осталось шесть писем всего, и перейдем на вторую стадию.

У меня в квартире пахло кофе, "Магией" и свежими красками, а на диване ждал подарок: небольшое, двадцать на тридцать сантиметров полотно. Фиолетовые облака, золотые цветы и красные капли. На обратной стороне Лариной рукой выведено название: "Рай". Раньше она писала чувства: любовь, ненависть, нежность. Нежность была бледно-зеленая, с тонкими прожилочками цвета слоновой кости, а любовь огненно-рыжая. Теперь, значит, рай.

Картину я тут же повесила на стену. Спасибо, Лара. На кухне я нашла записку: "пей сок". Сок абрикосовый, мой любимый, и холодный. От удовольствия я зажмурилась, а, открыв глаза, увидела, как с потолка падают на землю крошечные золотые звездочки. Это рай, рай у меня дома...

– Конечно, Ника, – Ларин голос, звучавший в моей голове, походил на абрикосовый сок, он был таким же мягким и желтым.

– Значит, рай выглядит так?

– Да.

– Я хочу попасть в рай.

– Попадешь. Обязательно, но сначала ты должна...

– Что? – Мне не терпелось увидеть сестру, как она выглядит? Такая же красивая, как раньше, или еще лучше стала? Ради Лары я сделаю все, что угодно.

– Рай нужно заслужить.

– Как?

– Ты знаешь, ты все знаешь сама... Накажи его, и мы снова будем вместе. Здесь замечательно... Пей сок.

Я налила себе еще стакан. Звезды золотым ковром усыпали пол на кухне, а потолок стал небосводом. Господи, как красиво!

– Конечно. – Снисходительно сказала Лара. – Здесь по-другому не бывает.

Тимур

Кладбище куталось в тишину и прохладу.

– Здравствуй, Лара. – Тимур присел на камень у памятника. Строгий белый мрамор и овальный медальон с фотографией. Лара улыбается, глядя прямо в глаза. Нужно сказать еще что-то, но вот что? Тимуру представлял, как придет сюда, как принесет ей лилии, как расскажет про себя, про то, как хотел присутствовать на похоронах, хотел попроситься, а ему не разрешили, про то, как скучал, и еще много про что. В его мечтах Лара слышала и отпускала его, но это в мечтах, наяву же чуда не происходило.

Воздух звенел комарами, земля дышала жирной летней испариной, а на памятниках проступали капельки росы, казалось, будто гранитные глыбы потеют. Салаватов не захватил вазы, и теперь мучился, не зная, как лучше пристроить

букет: воткнуть в землю или положить у подножия памятника. Оба варианта казались одинаково неприятными, но лилии противно воняли и цеплялись лепестками за рубашку. Лилии – цветы мертвых, непонятно, отчего Лара их так любила.

– Как ты там?

Она не отвечала.

– Помнишь, ты предложила смерть? Сказала, что мы умрем в один день, в одну минуту и будем вместе навеки вечные? Почему же ты там, а я здесь? Это несправедливо, Лара.

Лилии пришлось-таки положить на землю, но на руках остался их запах и желтая пыльца. Салаватов вытер ладони о джинсы.

– Все это несправедливо, Лара! Ты не имела права уходить вот так, не попрощавшись. Ты не имела права бросать меня! Проклятье!

– За что они со мною так? И сейчас... Представляешь, кто-то выдает себя за тебя, ты не знаешь, кто это? Впрочем, ты ведь не скажешь. Ты мне никогда ни о чем не рассказывала, ты собирала тайны, словно золотые монетки, просто потому, что тебе это нравилось. Иллюзия власти...

О, Лара была мастерицей иллюзий, Тимур сел на траву, теперь выходило, что она смотрит сверху. Смотрит и смеется, почти как раньше, вот только смех у нее не живой, застывший на камне. Зато думалось легко, точно помогал кто.

Лара? Вряд ли, в возвращение мертвых Салаватов не верил. Ну, почти не верил.

Кто ненавидит его настолько, чтобы придумать безумный план по воскрешению Лары? Кто уверен, что в ее смерти виноват именно он, Салаватов Тимур? Кто был главным свидетелем обвинения?

Доминика.

Ника-Ника-Доминика. Серый мышонок.

До чего же все просто. Элементарно. Солнечный лучик скользнул по фотографии, и Салаватову показалось, будто Лара подмигнула.

– Какой она стала? Молчишь. Она ведь приходит сюда? Вижу, что приходит. Недавно была, вон, розы стоят. А я тебе лилии принес. Белые, как ты любишь.

Мой дневничок.

Пробовала новую дурь. Странно она на меня действует, голова становится похожей на барабан, зато потом такой подъем! И трахаться хочется. Кто там из психологов чего про сублимацию говорил? Не помогает! Или это просто дурь неправильная?

Кажется, Салаватов стал что-то такое замечать. Смотрит косо да выпрашивает, где была, чем занималась. Можно подумать, я обязана перед ним отчитываться. Счас, все брошу. Алик говорит, что таблетки покруче будут, но, честно говоря, страшиновато. Курево – это ерун-

да, в любую минуту брошу и не замечу, с силой воли у меня все в порядке, а травить себя колесами как-то не с руки.

Ника, кажется, в Тимура влюбилась. Вот дура-то, он же серый, скучный и правильный до невозможности, хотя чего от нее ждать-то, сама такая. Жаба, которая никак в принцессу не превратиться. Смешно смотреть, как она за ним по пятам ходит и в глаза заглядывает, а Салаватов, дубина стоеросовая, не замечает ничего. Для него Ника – ребенок. У этого ребенка бюст скоро попу перевесит.

Не понятно, какого я на них трачу время?

Пробовать или нет? Алик говорит, что начать можно и с половинки, он мне на пробу так даст, без денег.

Доминика

Следующее письмо я отнесла вместе с Лариной картиной. Заберу ее чуть позже, она не обидится, понимает, что картина придаст нужную достоверность посланию. Долго думала над текстом, старый вариант как-то сразу перестал устраивать, а новый никак не хотел сочиняться. Слова казались надуманными и тяжелыми, а фразы мертвыми. Салаватов же должен почувствовать, что Лара жива.

Жива. Жива. Жива. От этой мысли мне хотелось смеяться и плакать одновременно. В последнее время я чувствую себя... странно. Это самое мягкое выражение. Ничего, Салаватову будет не легче.

"Будь мужчиной, умри"

Хороший текст. Я вылила в стакан остатки сока.

– Очень хороший. – Согласилась Лара. – Замечательный.

Его нужно отнести.

– Завтра.

– Сегодня. Отнеси сегодня. Его ведь нету.

Нету, она права, Тимур уехал с самого утра. На кладбище отправился, гад, да как он вообще смеет приближаться к могиле моей сестры, после того, что сделал?

– Сволочь. – Меланхолично заметила Лара.

– Сволочь. – С ней нельзя не согласиться. Картину я доставила по адресу, положила в коридоре и конверт сверху. Будет ему сюрприз!

Тимур

Очередную посылку Тимур обнаружил в коридоре. На сей раз картина, и конверт, естественно, здесь же. А вот "Черной магией" не пахнет. Забыла, что ли?

"Будь мужчиной, умри". Оригинально. Но не страшно. А вот картина – это куда более интересно. Главное, не пожалела ведь, полотно Ларино, в этом сомнений нет, ее манеру невозможно спутать. Да и видел он уже этот космический пейзаж. "Рай".

Ларин Рай, у нее все было не как у людей: ни тебе небесной голубизны, ни облаков, ни златокудрых ангелочков, сжи-

мающих в пухлых ручонках лиры и прочий музыкальный инвентарь. Фиолетовые раны на черной бездне кровоточат алыми жуками, из спин которых прорастают золотые цветы. Салаватов уже видел это полотно, и даже спорил с Ларой, доказывая, что это больше на преисподнюю похоже. Или на бред.

Это и было бредом.

Повернув картину изображением к стене, Тимур перечитал записку. С девчонкой следовало поговорить и, желательнее, поскорее, пока она не наделала глупостей.

Ника-Ника-Доминика, что же ты творишь? По незнанию действуешь или по умыслу злему? Сама придумала или подсказали? И захочешь ли ты вообще разговаривать?

Доминика

Оставив все в Салаватовской квартире, я галопом полетела домой. Лара, Лара, Лара... Приходила ли? Конечно, приходила.

Я почти не удивилась, обнаружив на столе забавный натюрморт: открытая бутылка вина, бокал, на дне которого плещется рубиновый шарик, кисточка винограда, рыжие плоские мандарины... О, Лара, это выглядит чудесно! Круглые виноградины заманчиво поблескивали черным боком, а от запаха мандаринов кружилась голова.

– Совсем, как раньше, да? Вино и виноград. Тебе нравилось.

И мне, честно говоря, тоже. Никогда не пила ничего подобного. Удивительный вкус. Удивительный аромат.

– Мое любимое! – Прощebetала Лара. – Хванчкара.

– Знаю.

– Конечно, знаешь. Ты знаешь все, что знаю я. Ведь ты – это я. Я – это ты.

Мысль проскользнула внутрь горячим солнечным шариком. Она похожа на... Похожа на... Я – это ты, ты – это я. Мысль похожа на сливочное масло, такая, знаете ли, гладкая, блестящая непередаваемым жирным блеском настоящего масла. Смешно. Масло-мысль! Хохот, вылетев из горла, сиреневыми капельками оседает на люстре. Боже мой, как нелепо он смотрится. Я подпрыгиваю, пытаюсь стряхнуть смех на пол, но противные капельки разлетаются в стороны. Они специально так делают, чтобы заставить меня побегать, и я послушно бегаю.

– Умничка. – Говорит Лара. И тело скрипит от радости. Я чувствую кости и мышцы. Кости прозрачные, словно из слюды, мне доводилось видеть слюду – она смешная. А мышцы похожи на распотрошенный моток нитей. Нитки-мулине. Обожаю вышивать!

Стоп, я же не умею вышивать?

– Глупенькая моя девочка, – сокрушается Лара, – конечно же, ты умеешь. Ты все умеешь, только забыла.

– И танцевать танго?

– Да.

– И сейчас могу?

– Конечно. Но осторожно, а не то соседей разбудишь.

– Я тихонечко, – обещаю Ларе, – на цыпочках.

Комната кружится перед глазами. Ртутные шарики хохота снова собрались вместе, уже на обоях. С опозданием понимаю, что они хотят там укорениться. Нельзя. Как же я буду существовать в комнате, заросшей смехом? Царапаю стены, отдирая фиолетовые проростки, но они прямо в руках расцветают блеклыми лиловыми астрами. Астры трогать нельзя, они красивые!

– Иди на улицу. – Шепчет Лара.

– А как?

– Через балкон, конечно.

Замечательная мысль! Нет, совершенно серьезно, такая чудесная мысль, похожая на масло, ее еще на бутерброд мазать можно. Можно мазать... Снова давлюсь хохотом, но на этот раз закрываю рот ладонями, чтобы противные шарики не выпрыгнули из меня.

– Балкон! – Напоминает Лара.

– Прости.

Ковыляю туда, где раньше был балкон, теперь на этом месте почему-то стена, заросшая бледно-лиловыми астрами. Они шевелятся и машут лепестками, показывая, куда нужно идти.

– Спасибо!

Цветы кланяются и, смущаясь, закрывают детские личи-

ки щупальцами. Нужно будет их покормить, жаль, не знаю, что едят астры со щупальцами, что-нибудь особенное, например, звездную пыльцу. Но балкон, балкон, балкон... стена раздается в стороны, и я упираюсь носом в дверь. Ага! Вот она! Попалась!

Глазок скачет стеклянным сверчком и гаденько чирикает:
– Не откроешь! Не откроешь!

А вот и не правда, открою. Сейчас. Одну минуту. Я ведь помню, что нужно сделать, чтобы дверь открылась. Помню же, Лара говорит, что я все помню, и даже умею танцевать танго. Ручка выгибает спину и раздраженно шипит, тянется ко мне, чтобы укусить. Хватаю ее за шею, и дверь открывается. Значит, чтобы выйти на балкон, нужно задушить ручку-змею! Замечательно!

Но за дверью не улица, а черная-черная лестница, уходящая в подземелье. Разве в подземельях строят балконы?

– Боишься? – Смеется Лара. Нет, не боюсь, ни капельки. Смело бегу вперед и, зацепившись тапком за ступеньку, падаю. Больно! Мамочки, как же больно!

– Плакса-вакса, плакса-вакса! – Мерзкий глазок прыгает перед самым носом. Прихлопну паразита!

– А, знаешь, как мне было больно? – Спрашивает Лара. – Я ведь звала тебя, а ты слушала свой плеер и не слышала. Если бы ты заглянула тогда, если бы мне удалось докричаться, то я бы и не умерла. Это ты во всем виновата! Ты и он!

– Ларочка, я не хотела! – Красные слезы бегут по щекам.

Странно, никогда раньше не доводилось видеть собственные слезы, а теперь вот вижу. Красные и тяжелые, как Ларочкина кровь.

– Ты хотела! Хотела, чтобы он убил меня! Ты ведь слышала, но специально затаилась на кухне! Ты хотела получить его! Ты желала мне смерти, ты, моя сестра, единственный близкий мне человек. Я ведь так любила тебя...

– Лара, пожалуйста, не надо... – У моих колен собирается целая лужа кровавых слез, она расплзается в стороны, того и гляди хлынет вниз, и тогда все, кто живет в подземелье, увидят, что я – предательница! Я желала смерти собственной сестре! Я – плохая!

– Плохая, плохая! – Заверещал глазок. Металлические бока лоснились от довольства, а ножки-запятыя нетерпеливо притоптывали. – Нехорошо желать смерти близким!

– Очень плохо. – Соглашается Лара. – Посмотри, на кого я теперь похожа!

– Не хочу! – Понимаю, что, стоит мне увидеть ее, и конец.

– Смотри!

– Не буду! – Поднимаюсь. Лужа, разросшаяся до размеров моря, липнет к ногам, но я бегу, отдирая ступни от красно-бурой поверхности, сзади раздается мелкий цокот, это предатель-глазок, возмущенно вереща, пытается меня догнать. Лара зовет, просит обернуться, заглянуть в лицо...

Нет!

Лестница заканчивается стеной! Но я разбегаюсь и про-

валиваюсь сквозь стену. Немного больно, зато писк и глазок вместе с Ларой остались в подземелье. Бегу дальше, а, вдруг, им тоже удастся пробежать СКВОЗЬ? Передо мной расстилается мир-поле, разделенный пополам черной рекой, если ее пересечь, меня не догонят. Река твердая, по ней легко бежать...

Сбоку кто-то возмущенно заревел. Плевать!

Огромная лиловая астра назойливо тянет ко мне свои щупальца руки. На личике ее возмущение и обида. Астра хочет поговорить со мной, но я очень-очень спешу.

Убегаю от астры.

Щупальца обвивают колени, и я падаю.

Больно!

Темно!

Астра расцветает лицом Тимура. Это нечестно, и я, чтобы не видеть его, закрываю глаза.

Год 1905 продолжение

Несмотря на лед, которым обложили тело, оно начало разлагаться, о чем свидетельствовали сине-зеленые пятна да специфический запах. Жаль, конечно, что девушку похоронили, было бы любопытно сравнить характер ран. Федор, который с демонстративным рвением, сопровождал начальство, перекрестился и пробормотал что-то про душу мятежную, покоя ищущую. Камушевский был молод –

двадцать четыре года только и исполнилось, а выглядел и того моложе, или, может, виной тому удивленное выражение лица. Сколько не взглядывался Аполлон Бенедиктович, не обнаружил и следа страха, которому надлежало бы быть, если бы Олег и вправду с оборотнем или зверем встретился.

– Ишь как погрыз. – Заявил Федор, бочком подвигаясь к деревянному ящичку, в который закинули тело. – И горло, и грудь... Страх.

Аполлон Бенедиктович попробовал отогнуть застывшую руку. Вид глубоких, рваных ран на груди приводил в смущение: на следы звериных укусов не похожи, скорее складывалось впечатление, что тело полосовали тупым ножом.

– Сразу, видать, повалил и в горло вцепился, – со знанием дела произнес Федор, – а уже потом, когда их светлость упали, и когтями по груди прошел!

– Может быть, может быть. – Аполлон Бенедиктович переключил внимание на горло покойного. На первый взгляд рана нанесена звериными клыками, но у волка не может быть клыков такого размеру.

– Оборотень, ваш сиятельство, как есть оборотень, вон и крестика не нашли, видать с собою унес.

– Не нашли, говоришь?

– Не нашли. Еще Елизарий Палыч подивились, когда князя обмывали, что без крестика он нательного, как нехристь какая, прости, Господи. – Федор перекрестился.

– А большие ничего странного не было?

– Было. Олег, они лихие были, шепнутные дюже, на ярмо-роке той на спор с рогатиной на медведя вышли и завалили, и в имени постоянно веселье шло, забавы всякие, а тут, перед самой охотой, словно отрезало, ни в городе не показывались, ни на охоту не выбирались, точно подменили их. – Высказав крамольную мысль, которая, по-видимому, давно не давала покоя, Федор примолк, с испугам глядя на начальство. А ну как оное гневаться начнет? Или обвинит во лжи аль в оговоре на покойного князя? Но Аполлон Бенедиктович спокойно предположил.

– Боялся?

– Не может такого быть! Олег Александрович ничего не боялись!

– А оборотень?

– Ну, – Федор смутился, – его всем Камушевским боятся положено.

Тимур

Тимур, устроившись на лавочке у подъезда, пытался мысленно выстроить разговор. А поговорить нужно, девочка сама не отступится. Она ведь и тогда, на суде, билась в истерике, требуя высшей меры. Это она сказала, будто бы видела, как Тимур вернулся в квартиру. Ей поверили.

Здравствуй, Доминика, ты помнишь меня? Глупость, конечно, она помнит, иначе не затеяла бы всю эту карусель с

подложными письмами.

Тогда по-другому. Здравствуй, Доминика, зачем ты это делаешь? А она ответит: "Потому, что ненавижу тебя. Потому, что ты убил мою сестру. Потому, что ты – скотина и зэк".

Есть еще вариант: "Здравствуй, Доминика". И дверь, захлопнувшаяся перед самым его носом. Да она вообще не открывает, посмотрит в глазок и, узнав нежданного гостя, затаится. Или наряд милиции вызовет. Объясняй потом, что жертва тут именно ты. Остается сидеть и терпеливо ждать, вопрос, чего ждать?

Ее. Интересно, какая она, когда не прячется за маску Лары. По-прежнему гадкий утенок, слабая тень сестры, или чудо-птица? Тимур поставил бы на второе, уже тогда в Нике чувствовалось нечто... особенное, другого слова не подберешь. Она не была красавицей, ширококоротая, ширококостная и неуклюжая, она стеснялась собственной некрасивости и искренне восхищалась Ларой.

Настолько искренне, что солгала на суде?

Сидеть здесь бессмысленно, как и разговаривать с ней, проблем не оберешься, куда проще уехать, продав квартиру. Новое место, новая жизнь и никаких призраков прошлого.

Громыхнула тяжелая подъездная дверь, и на улицу выбежала чудная девица. Короткие шортики и маечка-топ заляпаны чем-то красным, ноги босые, а в глазах ужас. Секунд десять девушка смотрела на Тимура, но тот был готов поклясться, что она не видит ничего. Во всяком случае, наяву.

Ему приходилось видеть такой взгляд: душа блуждает в тайниках разума, и разум, распадаясь на куски, показывает ей чудесный калейдоскоп из воспоминаний и выдумки.

Наркоманы чертовы.

Он так разозлился на девчонку, что не сразу признал в ней Нику. Разве могла Ника-ангелочек, которую Лара наградила прозвищем Мышь тушканчиковая, настолько опустится? Риторический вопрос. Преодолевая отвращение, Салаватов протянул руку к этому существу, но в самый последний момент, когда пальцы почти уже коснулись грязной майки, Ника отпрыгнула.

– Не хочу! – Заорала она, что есть мочи.

– Стой!

Развернувшись, Ника бросилась прочь.

– Стой, кому говорят!

Но она даже не обернулась. Проклятье! Ника-Ника-Доминика оказалась очень шустрой девчонкой, Тимур еле-еле догнал ее. Между прочим, у самой дороги, еще немного, и эта чокнутая наркоманка, убегающая от собственных видений, нырнула бы прямо под колеса. Салаватов не схватил – сбил негодяйку в прыжке, точно охотящийся тигр газель, оба рухнули на асфальт, и Тимур зажмурился от боли в локтях. Ну вот, всю кожу содрал, такого с ним с детства не случалось.

– Дура! – Вряд ли она поймет его, в таком состоянии понимают лишь себя, да и то не с первого раза. Дура втянула голову в плечи и, закрыв глаза, тихонько заскулила.

Ну и что с ней делать?

Доминика

Астра перед лицом наливалась багрянцем. Она была очень крупной, эта астра, обнимала меня своими щупальцами и не давала бежать. Мне очень нужно бежать. Далекое. За твердую черную реку, иначе Лара догонит. Но цветок не желал понимать. Лепестки тонкими змеями извивались перед глазами, и моя кровь заражалась от них этой неприглядной лиловизной. А изнутри рвались на свободу пузырьки смеха. Или плача? Они так похожи друг на друга.

Я хотела сказать астре "отпусти", но губы не шевелились. Они, наверное, склеились, оттого я потеряла дар речи. И Лара догонит...

– Успокойся. – Вдруг сказала астра человеческим голосом. Правильно, что человеческим, я же не умею разговаривать на ее языке.

– Успокойся, слышишь! Вставай. Дай руку.

Зачем ей рука, когда я уже целиком в ней сижу, только пятки приросли к твердой черной реке. Я всего чуть-чуть до нее не добежала.

– Вставай, вставай, вставай... – продолжала бубнить астра, или это первое слово просто эхом в голове отдается?

Я попыталась подняться, чтобы она, наконец, от меня отстала. Последнее, что помню – я попыталась подняться...

Тимур

Ника тарасилась на него минут пять. Не моргая, не пытаюсь отвести взгляд, или отвернуться. Нет, она просто лежала и тарасилась, словно жирная селедка с магазинной витрины. Глаза у нее огромные, два блюда, не иначе, – Тимур когда-то читал сказку Андерсена про огниво и долго-долго пытался представить себе собаку, у которой глаза, как блюда. Тогда не получилось, а теперь – пожалуйста – перед ним два черных блюда с тонкой каемочкой тускло-зеленого цвета. У наркоманов всегда зрачок расширен, это норма.

– Вставай. – Тимур потянул Нику за руку. Ладонь у нее холодная и мокрая от пота, это в жару-то, когда сам вот-вот расплавишься от зноя. Проклятье, неужели, передоз? Только этого ему не хватало, откинет коньки, а скажут – убил, хотя видит бог, он ее пальцем не тронул.

– *Лару ты тоже не трогал.* – Напомнила Сущность. Гадкая она, злопамятная, зато помогает видеть мир таким, каков он есть на самом деле, и плевать, что со стороны это больше всего похоже на раздвоение личности.

– Вставай. – Повторил Тимур. Маленькая дрянь не реагировала, пришлось поднимать ее на руки, хорошо, легкая. А дышит-то, дышит мелко и часто, и сердце бьется, как ненормальное. В больницу ее нужно, пока не поздно. А здесь, если не изменяет память, есть больница, прямо за домом, идти

всего два шага, и Тимур пошел, осознавая, что ловить машину бесполезно: вряд ли кто захочет подвезти странную парочку, хорошо будет, если из больницы не попрут.

– Наркоманами не занимаемся. – Заявили в приемном покое.

– Но ей же плохо! – Попытался возразить Тимур. Нику и в самом деле трясло, она мычала, мотала головой из стороны в сторону, вяло дергала руками, словно пытаясь отогнать назойливых призраков, икала и плакала, не открывая глаз. Слезы крупными горошинами катились прямо из-под плотно сомкнутых ресниц.

– Ей плохо! – Салаватов повысил голос, чувствуя, как закипает проклятый огонь в груди, не сорваться бы, иначе снова на нары. Он Тимур Салаватов, а не Тимка-Бес.

Одна из девиц, с модной "перышками" стрижкой, соизволила оторвать голову от журнала.

– Мужчина, – с явным неудовольствием в голосе заявила она, – вам же русским языком сказали: наркоманами не занимаемся. Везите куда-нибудь еще!

– Куда?

– Не знаю. – Ноготок, сияющий свежим лаком нежно-розового цвета, нервно постучал по крышке стола. – Куда хотите, туда и везите!

– А если она умрет?

Никина голова все время соскальзывала с плеча, да и сама

Ника с каждой минутой становилась все тяжелее. А еще она мокрая и скользкая, держать неудобно, а они говорят "везите куда хотите"...

Стервы.

– Люсь, – вторая девица, попроще да и поспокойнее на вид, робко дернула первую за рукав, – а если она помрет?

– Да они все трупы, – фыркнула Люся, поправляя прическу, – наколются, а нам лечи их, и получай копейки...

В конечном итоге, конфликт был-таки улажен. Получив из рук Салаватова "премию" к зарплате, перистоволосая Люся значительно подобрела. Нику увезли, а Тимур, сев на узкую больничную кушетку, приготовился ждать. Ждать он умел, вон, целых шесть лет приобретенного опыта. Первый год он силился понять: как же получилось то, что получилось. Второй год остро страдал от несправедливости, письма писал: друзьям, подругам, Нике вон, пытаюсь донести до нее правду. На все его послания не пришло ни одного ответа. Наступил год третий, за ним четвертый, пятый и шестой. Тимур учился выживать, Тимур вытравливал из себя того, старого, доверчивого и глупого Тимура Салаватова, и строил Тимку-Беса. По кирпичику строил, по камешку, а теперь вот, Тимка-Бес не нужен и куда его девать? Вон? А, не дай-то Бог, Тимур Салаватов один не справится?

– *Не надо лезть, куда не просят.* – Наставительно заметила Сущность.

– Это точно. – Согласился с ней Тимур.

Мой дневничок.

Пробовала новую дурь. Странно она на меня действует, голова становится похожей на барабан, зато потом такой подъем! И трахаться хочется. Кто там из психологов чего про сублимацию говорил? Не помогает! Или это просто дурь неправильная?

Кажется, Салаватов стал что-то такое замечать. Смотрит косо да выпрашивает, где была, чем занималась. Можно подумать, я обязана перед ним отчитываться. Счас, все брошу. Алик говорит, что таблетки покруче будут, но, честно говоря, страшиновато. Курево – это ерунда, в любую минуту брошу и не замечу, с силой воли у меня все в порядке, а травить себя колесами как-то не с руки.

Ника, кажется, в Тимура влюбилась. Вот дура-то, он же серый, скучный и правильный до невозможности, хотя чего от нее ждать-то, сама такая. Жаба, которая никак в принцессу не превратится. Смешно смотреть, как она за ним по пятам ходит и в глаза заглядывает, а Салаватов, дубина стоеросовая, не замечает ничего. Для него Ника – ребенок. У этого ребенка бюст скоро попу перевесит.

Не понятно, какого я на них трачу время?

Пробовать или нет? Алик говорит, что начать можно и с половинки, он мне на пробу так даст, без денег.

Доминика

Я потерялась в нигде. Страшно. Сверху, снизу, справа и слева пустота. Можно прыгать в ней, или на голове стоять. Или падать. Я падала бесконечно долго, и все-таки упала. На кровать. Над головою покачивался белый потолок, а рядом с ним парила голова незнакомой женщины с недовольным лицом и черно-красными перьями вместо волос.

– Очухалась? – Пробурчала женщина. "Лась, лась, лась" забилося в голове эхо.

Лась, согласилась я. Кто такая Лась?

– Пойду скажу.

Кому она скажет? Где я и почему я здесь, а не дома? Голова кружится-кружится, скоро совсем откружится. И руки чувствую, они живут отдельно от тела. Это неприятно.

– Как домой? – Где-то далеко возмутился мужчина. Мужчина возмутился. Смешно, попыталась посмеяться, едва не стошнило. Ужас какой.

Мужчине вторил женский голос, они здорово подходили друг другу. Как инь и янь. Жаль, не помню, что это такое.

– А если ей снова плохо станет?

– А вы следите, чтобы не стало. – Ответила женщина в волосами-перьями. – Если не уколется, то и не станет.

Кто уколется? Обо что? В сказке принцесса укололась о веретено и уснула. Но это ведь не сказка. Кажется, не сказка.

Как-то я себя неправильно чувствую.

Мир перед глазами крутится-вертится, свиваясь в тугую разноцветную спираль, на фоне которой выплывшее из ниоткуда мужское лицо показалось мне смутно знакомым. Я определенно его знаю, но откуда?

– Давай, давай, – женский голос подобно бензопиле взрзал черепную коробку. Мозг внутри распух, и мир снова покотился карамельным клубочком, – вставай, нечего притворяться, идти ты уже можешь.

Меня тянули, тормозили, дергали, все это было ужасно неприятно и отвлекало от сложных внутренних переживаний, поэтому я подчинилась всем этим тычкам и подергиваниям в надежде, что меня оставят в покое. Идти пришлось недалеко. Узкий хмурый коридор, потом машина, потом лестница со смешными зелеными ступеньками, которые отчего-то норовили выпрыгнуть из-под ног, и дверь. А мужчина все время стоял сзади, наверное, не хотел мешать.

Квартира пахнет неприятно. И не нравится мне здесь. Она не моя, в моей стены с лиловыми астрами, их нужно кормить звездной пылью и разговаривать... Что за чушь?

– Ложись. – Приказал мужчина и в придачу толкнул меня в спину. Не больно, но обидно, по какому праву он толкается? От обиды, наверное, в мозгах слегка прояснилось, и я узнала его.

Тимур.

Тимур?

Тимур

– Тимур! – Проблеяла Ника сиплым голосом запойной алкоголички, и попыталась проткнуть Салаватова пальцем. Чертова наркоманка, когда ж она, наконец, успокоится! Медсестра утверждала, что Ника еще около часа пробудет в подвешенном состоянии, а потом ее отпустит. "Отпустит" означало, что девчонка станет более-менее адекватно реагировать на происходящее. Тогда ее и домой отправить можно будет, пусть сама со своей блажью наркотической разбирается, но пока Ника бредила, принимая собственный бред за явь, Салаватов чувствовал ответственность за нее. Хотя бы ради Лары.

Ради Лары эту девчонку следовало выпороть. И отдать на принудительное лечение. Но он не станет делать ни того, ни другого, он просто дождется, когда действие дури пойдет на убыль, и отведет ее домой. Ну еще, может быть, попросит оставить его в покое.

– Тим... Тиму... Тимуррр... – Зарычала Ника, делая неловкие попытки подняться. – Ты тоже за мной пришел? Я с тобой не пойду! И с ней не пойду. Она сегодня неправду говорила. Неправду...

Ника, сглотнув слюну, высунула язык. О, Господи...

– Ты... Ты умрешь! Я тебя убью! Убью, убью, убью...

– Хорошо. Только сначала полежи.

– Убью. – Она совершенно его не слышала. Лежала и твердила свое "убью", похоже на то, как колеса поезда по рельсам стучат, мерно, безэмоционально и, самое ужасное, бесконечно. Но Ника, выплюнув тысячное по счету "убью" замолчала. Плохо? Нет, не плохо. Наклонившись над девушкой, Салаватов убедился, что та просто-напросто заснула.

Доминика

Я проснулась оттого, что стало плохо. Или не так? Мне было плохо уже во сне, и он убежал, бросив меня наедине с сакраментальными вопросами: где я, кто я, зачем я. Больше всего волновал первый. Место смутно знакомое. Обои старые, бледно-голубые с огромными тисненными "золотом" розами, такие были в моде лет этак десять назад. Или еще больше? Помню, мы с тетей Васей нечто похожее клеили, а потом Лара долго возмущалась "безвкусицей" и расстроила тетку до слез.

Люстра тоже какая-то не такая, неуклюжая и тяжелая, богато украшенная хрустальными "висюльками". Даже с моего места видно, насколько они пыльные, похоже, здесь давненько не убирались. Хотелось бы знать, как я сюда попала. Ничего не помню, голове больно и пусто, а желудок прямо подпрыгивает, желая... Не хочу думать, чего он там желает. Я попыталась сесть, для начала хотя бы сесть, но не смогла. Тело отказывалось подчиняться, каждая мышца нестерпимо

болела... Рухнув обратно на кровать, я зажмурилась и тихонько застонала – не от боли, от жалости к себе самое.

– Очнулась? – Ненавижу этот голос, не знаю почему, но ненавижу. Он ассоциируется с чем-то таким... таким... не знаю, как сказать.

– Очнулась. – Голос констатировал сей факт с непонятной печалью. Кровать заскрипела, и матрас просел под дополнительным весом. Чужое тепло коснулось моего тела, а ведь приятно.

– Ну, здравствуй, Ника. Ника-Ника-Доминика.

И тут я узнала его. Тимур. Салаватов. Моя тайная любовь и моя явная ненависть. Почему он здесь? Почему я здесь?

– Ты?

– Я.

Он. Сидит рядом, рассматривает внимательно, словно музейный экспонат изучает, и ждет чего-то. Скотина! Урод! Пусть бы сдох на зоне! Со злостью откуда-то изнутри поднялась волна дурноты. Точно клубок ядовитых змей проснулся в желудке.

Тимур лишь усмехнулся. А он ведь знает и мысли мои, и желания, и все равно смеется. Как подобных ему земля только носит! Салаватов поднялся. Может, уйдет? Я бы сама ушла, но мне настолько плохо, что любое шевеление отзывается болью. Но этот сукин сын и не думал уходить. Со стуком, который отозвался в моем черепе омерзительным звуком, Салаватов поставил стул напротив кровати, так, чтобы

мне было хорошо видно. Чего он хочет? И какая связь между моей внезапной болезнью и его присутствием?

Это он, он, он – зазвенели, задрожали молоточки в голове. Он... зашипели змеи в утробе. Отравил. Убил. Как Лару.

– Давно на игле?

– Иди в задницу! – Мне было слишком плохо, иначе этот сукин сын не сидел бы напротив так спокойно. Вот пройдет тошнота, и расцарапаю ему морду. Но тошнота не уходила, змеиный клубок внутри разрастался, гадины лениво шевелились и ползли к горлу. Нужно открыть рот, иначе они прогрызут мне горло.

– Ложись.

Теплые руки поднимают меня, несут куда-то. От них пахнет лимоном и немножечко мятой, мои змеи слегка успокаиваются.

– Как же тебя угораздило? – В голосе нет больше злости, одна печаль. Я вижу ее почти так же явственно, как чувствую змеиный клубок в желудке. В голову приходит спасительная мысль: если выпить много воды, змеи захлебнутся и не будут больше шевелиться.

– Пить.

Руки уходят и возвращаются со стаканом воды. Невкусная, но заставляю себя выпить до дна.

– Еще.

Еще один стакан. На третьем меня вырвало.

Год 1905. Продолжение

К вящему удивлению Аполлона Бенедиктовича поместье, в котором обитали Камушевские, было более чем скромным. Полуостров, окруженный с трех сторон водой, прибавлял маентку некоторую экзотичность и даже изысканность. Сам дом больше всего походил на замок – толстые мрачные стены и узкие, точно бойницы, окна. Внутри, должно быть, темно, сыро и неуютно, то ли дело дома в Менске аль другом каком большом городе: светлые, красивые, колонны там всяческие, амурчики крылатые на фасаде, балконы кованые да окна во французском стиле. А здесь... Провинция. Странно, что князь не стал перестраивать поместье, человеком он слыл не бедным и не жадным, и не ретроградом каким – наоборот, первый модник, гуляка и заводила – прежде, чем отправится сюда, Аполлон Бенедиктович собрал информацию об убитом. А что поделаешь, без информации в его деле никак не обойтись, оттого и не брезговал следовательно ни слухами, ни сплетнями, ни доносами.

А все-таки странный дом. Такому, как Олег, в нем было бы тесно и скучно, однако, поди ж ты, все сохранилось в том виде, в котором было сто, а, может, и двести лет назад.

Встретили незваного гостя вежливо и, проведив в гостиную, предложили выпить. Младший брат Олега – вот о

нем-то Аполлону Бенедиктовичу было известно крайне мало – выглядел крайне изможденным. Бледная кожа, испарина на лбу, темные круги под глазами говорили о нервном расстройстве, причиной которого, надо полагать, послужило скорбное происшествие на охоте. С вопросами Аполлон Бенедиктович не спешил: пускай молодой человек, привыкнув к присутствию следователя, успокоится, возьмет себя в руки, а там и расспросить можно. От нервных свидетелей толку мало. А этот еще пьян к тому же. Николай начал рассказ сам, не дожидаясь вопросов.

– Волки-то давно шалили, то овцу зарезжут, то корову, а, как до людей дело дошло, Олег и не выдержал... – Николай дрожащей рукой поднял бокал, Аполлон Бенедиктович поморщился, пьяниц он не любил, а по лицу молодого человека было видно, что пил он давно, наверное, с того самого дня. Безусловно, гибель брата – уважительная причина для горя, но мужчине надлежит скрывать свои чувства, тем более наследнику древнего и славного рода.

– Я предлагал организовать облаву! Собрать людей, но Олег, он никогда никого не слушал! Он бредил этой легендой! Мечтал лично прикончить Вайдиного оборотня... – Николай всхлипнул.

– Что произошло?

– Мы с ним... Я не мог отпустить его одного, вы понимаете?

– Понимаю.

– Засаду мы устроили возле поляны, там, где убили девушку, я с одной стороны, он с другой. Олег считал, что оборотень вернется. Пролежали всю ночь, а под утро я задремал... А дальше... Дальше... Он закричал, и все... Я выстрелил. В воздух. Чтобы отпугнуть тварь. И побежал к брату.

– Он был уже мертв?

– Нет. Горло разорвано... Кровь... Олег пытался руками зажать... А кровь вытекала сквозь пальцы... И я ничего не смог сделать! Ничего! – Уронив голову на руки, Николай заплакал. Аполлон Бенедиктович тактично отвернулся, дожидаясь, пока свидетель успокоится.

– Я не виноват, не виноват! Это оборотень!

– Вы его видели?

– Перестаньте его мучить! – В комнату влетела девушка. – Сколько можно, он уже тысячу раз рассказывал!

У барышни были каштановые волосы, огромные серые глаза и упрямый подбородок.

– Прошу прощения, пани...

– Наталия. А вы кто такой?

– Палевич Аполлон Бенедиктович, следователь, направлен из Менска, чтобы вести расследование смерти Олега Камушевского.

– Вести расследование? – Паненка рассмеялась, – Вы хотите вести расследование и устроить суд. Над кем? Над оборотнем? Замечательно! Делайте, что угодно, только

оставьте нас в покое, не видите, моему брату плохо!

– Он мужчина!

– Я не мужчина. Мне неприятны все эти разговоры! – Серые глаза затуманились, но пани Наталия, в отличие от своего брата, умела держать чувства на привязи, и слезы исчезли так же быстро, как и появились. – Олега невозможно вернуть...

– Натали, а когда мы уедем отсюда? – Встрепенулся Николай.

– Скоро, – пани Наталия ласково погладила брата по голове. – Похороним Олега и уедем. Далеко-далеко, там он нас не найдет. Вы узнали, что хотели?

– Не совсем.

– У дорогого Николая нервный срыв. Пожалуйста! – В ее глазах читалась такая мольба, что Аполлон Бенедиктович смутился. Понятно, что допросить Николая Камушевского не получится, да и вряд ли он сумеет сказать что-либо внятное, а вот с самой пани Наталией не мешало бы побеседовать. Уж она-то, в отличие от "дорогого Николая", и трезва и относительно спокойна.

– У вас есть вопросы ко мне? – Догадалась она.

– Если позволите.

Николай Камушевский смотрел на сестру с обожанием в пьяных глазах. Понятно, кто в доме главный.

– Не думаю, что мое дозволение сыграет хоть какую-то роль, однако... Завтра жду вас к обеду. Постараюсь, что-

бы Николая пришел в себя. И с Элизой, думаю, вам будет интересно побеседовать.

– Кто такая Элиза?

– А вы не знаете?

Аполлон Бенедиктович был готов поклясться, что в серых глазах пани Натальи мелькнула откровенная насмешка.

– Это невеста Олега.

Удивительное дело, о том, что у князя Камушевского имелась невеста, Аполлон Бенедиктович слышал впервые.

– Элиза очень переживает, как и все мы. Пойдем, Николая.

Николай покорно поплелся за сестрой, прихватив, правда, с собою бутылку портвейну. Судя по всему, он намерен и дальше предаваться скорби вкупе с пьянством. Слабый человек.

Федор, поджидавший начальство в коляске, несказанно обрадовался, увидев Аполлона Бенедиктовича, и сия искренняя радость смущала гораздо больше лести.

– Трогаться? – Спросил Федор, озираясь по сторонам, видать, повсюду оборотни страшные чудились. Щелкнул хлыст и лошадка, очнувшись от дремы, лениво затрусилась вперед, ее оборотни не пугали. Копыта звонко цокали по мощеной дороге, и коляска, подпрыгивая на ухабах, пренеприятнейше скрипела.

– А почему поместье на полуострове?

Федор пожал плечами.

– Так чтобы оборотень не подобрался близко. Раньше-то воды не было, а уж когда Вайда померла, и волки шалить стали, Богуслав приказал вырыть ров, чтоб, значит, отгородится, оборотень-то воды боится, для него любая лужа – море превеликое. А, когда копали, ключи подземные наружу выпустили и затопили вся низину почти: и хаты, и поля, и скотину, и людей, говорят, тож потонуло много. А поместье-то ничего, стоит, только конюшни, псарня да сад, который раньше был, под воду ушел. Вот с тех самых пор и живут не по-людски, почитай на воде самой, как только не страшно им.

Аполлон Бенедиктович мог бы хоть сей момент пари заключить, что сероглазой пани Наталии отнюдь не страшно жить "на воде". И оборотня она не боится. Странно, что такая красавица сидит в глуши и не рвется выезжать. Или брат не позволял?

– Олег Александрович, они дюже своенравные были, сестру хоть и любили, но берегли, ничего не позволяя. – Федор, поняв, что санкций со стороны начальства не будет, принялся делиться сплетнями. – Сами и в Минск ездили, и в Варшаву, и в Петербург, а ей – никуда. А, когда пан Охимчик посвататься изволил, то Олег Александрыч его побили сильно, да повелели забыть дорогу к дому. И братцу младшему выговор сделали, за то, что честь семейную не бережет. Ну, конечно, пан Охимчик Камушевским не родня, те – род древний, знатный, а Юзеф дохтур какой-то, ни роду, ни

денег, куда ему к паненке свататься-то. Н-но, родимая. – Федор взмахнул хлыстом, и лошадка прибавила ходу.

– Лечит, правда он хорошо, но у нас все больше в Погорье к пану Уховцеву ездят, правда он старый уже и помрет скоро, наверное. Тогда, глядишь, и у пана Охимчика дела на лад пойдут. Да и Олега нету, чтоб свадьбе препятствия чинить. Вот поглядите, совсем скоро Юзеф к паненке в гости наведываться начнет. Николай, он же слабый, не чета Олегу, на сестру молится и, как она захочет, так и будет.

– А повидаться с паном Охимчиком можно?

– Можно, отчего ж нельзя. Оне гостям завсегда рады, хоть час уже поздний... – Обернувшись, Федор с надеждой поглядел на начальство, авось, передумает, тогда и домой можно будет ехать, у камина погреться, аль в кабаке кружку-другую пропустить для согрева тела да душевной радости. Однако Аполлон Бенедиктович не привык откладывать на завтра сегодняшние дела. Уж коли пану Охимчику была выгодна смерть князя, то следует с этим паном поговорить и немедля. Еще не ведомо, что завтра будет.

Доминика

Она, наконец, заснула, страшно представить, какие сны ей приснятся. Сама виновата. Меньше надо всякую дурь жрать. Руки у нее чистые, Тимур уже посмотрел, но это ведь ни о чем не говорит. Лара вон в бедро предпочитала колоть,

ей так сподручнее было. Неужели и Нику подсадить успела? Или она сама? Как-никак одна кровь.

Тимур вышел на кухню и, прикрыв дверь, закурил. Глупая, глупая девчонка, а он еще хотел с ней поговорить. С такой не договоришься. Решено, завтра же собирает вещи и уматывает. Купит себе домик в деревне, и будет жить в свое удовольствие, рыбалка там, закаты-рассветы, лес, ягоды, грибы и прочие удовольствия. А, главное, никаких наркотиков, никаких наркоманок.

Она не понимает, что творит. И не слушает слов. Лара же не послушала.

– Не куксись, Тим, я соскочу в любой момент! – Лара радостно хохочет, и прохожие начинают оборачиваться на излишне веселую девушку. Впрочем, веселье ей идет, ей вообще все шло, даже наркотики. Тимур тщетно бился головой об эту стену из веселья, бесполезно. У ног капризной королевы лежал целый мир, а ей было мало. Драйва не хватало, видите ли. Огня в крови. Чтобы каждый день, как последний, чтобы летать и падать, и снова подниматься ввысь, где безумные облака танцуют танго.

Это Лара пыталась объяснить ему, вкладывала в упрямую голову Салаватова свои мысли, свои желания, но они отчего-то не приживались. Тимур не хотел понимать необходимость травки. И колес. И героина, о котором он вообще случайно узнал. О, Лара уверяла, что лишь изредка балуется, что "герыч ни-ни", на самом же деле она сидела на игле дав-

но и прочно, словно доверчивый окунь на стальном крючке. И ей нравилось. Это было страшнее всего.

– Тим-р-р-р, – мурлыкала она, выпрашивая деньги, – я ведь только тогда и живу. Тогда все по-другому. Есть проблема и нет проблемы. Есть я и нет меня. И ты тоже, ты есть, но тебя как бы и нет. Там хорошо, Тим-р-р-р.

Она даже предлагала попробовать. Клялась, будто один раз – это не страшно, зато он увидит, поймет, как ей хорошо, и отстанет со всякими глупостями вроде больницы. Зачем ей лечится, она ведь здорова, а укол. Это же витаминка.

Витаминка для жизни.

Сигарета оказалась горькой на вкус, а еще пахла ментолом, хотя Салаватов точно помнил, что покупал нормальные, безо всяких там ароматизаторов. Лара любила мятные пластинки. И сигареты курила тоже ментоловые, неправдоподобно тоненький "Вог", изысканно-притягательный, как она сама.

Не стоило вспоминать Лару, теперь он точно не уснет.

Они встречались уже второй год. Салаватов заговаривал о свадьбе, но Лара со смехом отмахивалась. Ей не хотелось принадлежать кому-то одному, зачем, если ей самой принадлежит целый мир. Ларе нравилось злить его, нравилось вешаться на шею другим парням, нравилось стравливать их с Тимуром и наблюдать за выяснением отношений. Почему бы и нет, она ведь свободная женщина. И он свободен, если что-

то не нравится – он может уйти. Проблема в том, что он не мог уйти.

– Ты будешь скучать, если меня вдруг не станет? – Она не смотрит на него, Лара увлечена работой, со стороны кажется, будто нервная кисть едва-едва касается полотна, но синее пятно растет, расплзается, вытесняя другие цвета. Синий означает творческую депрессию. Тимур уже научился читать Лару по цветам. Красный – возбуждение, не сексуальное – творческое, Лара на подъеме, она готова часами торчать в мастерской, питаясь лишь запахом красок и растворителя. Зеленый – поиск, она идет по следу идеи, но никак не достигнет ее. Изредка зеленый становился красным, но гораздо чаще он вырождался в синий, а синий – в злорадный черный, символизирующий полный упадок творческих сил. После черного следовал укол.

Но тогда Тимур еще не догадывался об уколах, он терпеливо переживал периоды депрессии, и стремился расшевелить Лару. А ей не нужно было шевеление. Ей ничего не нужно было.

– Будешь? – На носу синее пятнышко, словно малютка-бабочка присела отдохнуть, Лара пока не замечает, но в конце дня непременно сотрет пятнышко-бабочку, и снова из художницы превратится в королеву.

– Буду. – Тимур не представлял себе жизни без нее. Капризная, взбалмошная, слегка истеричная, ревнивая, любящая. Зачем она спрашивает, если сама все знает.

– А давай умрем вместе? В один день, как в сказке?

В самом центре холста появляется черная клякса.

– Давай, – соглашается Салаватов, надеясь отвлечь Ларину внимание.

– Я серьезно. – Она задумчиво проводит кистью, и из центра кляксы вырастает тонкий черный луч. Стало похоже на перевернутый цветок с длинной ножкой и лохматым черным венчиком.

– Прямо сейчас! Вдвоем. Как Ромео и Джульетта. Вместе навсегда. – Каждое слово добавляло по лучу, и цветок превратился в паутину с жирным пауком в центре.

– Лара, успокойся.

– Не хочу. Не хочу успокаиваться. Хочу умереть. И воскреснуть в раю. Вместе с тобой. Смотри, что у меня есть.

Кисти и палитру – кажется, эта штука, на которой краски смешивают, называется именно так, – Лара просто отшвырнула. Следом на пол полетели тюбики с красками и серая косынка, которой Лара во время работы волосы подвязывала, чтобы не мешали.

– Есть. Еще есть. – Сунув руку за тумбочку, она вытащила крошечный пакетик.

– Вот! – Лара потрясла находкой перед носом Тимура. – Я говорю серьезно, давай вместе. Здесь пять доз. Нам хватит.

– Для чего?

– Чтобы умереть. Опостылело все, Тим, не могу больше. – Она села на пол. – Сделай укольчик, ладошки?

И ведь сделал же! Не смертельный, как она хотела вначале, обыкновенный. О, Лара вполне могла бы обойтись и без его помощи, в вену на ноге не так сложно попасть, но ей хотелось, чтобы именно он уколол, чтобы поучаствовал, чтобы помог. Она так и сказала:

– Помоги, или я умру, прямо здесь умру, а ты будешь виноват.

Ей удалось обмануть его – Тимур сделал тот укол, единственный поступок, за который ему до сих пор стыдно – а она все-таки умерла. Не сразу, а спустя полгода, но виноватым все равно его сделали. Это не честно!

А что делать?

Мой дневничок.

Алик, как всегда, прав. Колеса – это что-то! Настоящая феерия эмоций. Хочется и плакать, и смеяться, а, главное, в голове такие образы рождаются – закачаешься! Кстати, от таблеток, в отличие от курева, не пахнет, значит, и Салаватов заткнется со своими подозрениями. Послать бы его подальше, но нельзя, он обещался выставку организовать, да и деньжатами помогает. Нике вон репетиторов нанял, можно подумать, они ей помогут. У моей родственницы в голове ни одни знания больше чем на пять минут не задерживаются. Дурой была, дурой и помрет. Но, коли Тимке деньги девать некуда, пускай в Нику вкладывает.

Отдыхать лучше всего в мастерской. Мои привыкли, что

во время работы меня нельзя беспокоить, значит не запалят.

Глупости. Я же не собираюсь опускаться до наркоты. Аликовы таблетки – легкий стимулятор, чтобы слегка подстегнуть воображение, не более того. И использовать я аккуратно буду. Изредка, чтобы депрессию разогнать.

Тимур

Заснуть удалось лишь под утро. Снова снилась Лара, или ему просто хотелось снова увидеть ее, хотя бы во сне. Порой ему хотелось, чтобы ночь продолжалась вечно. Или, когда Лара сердилась, чтобы она вообще не наступала. Как правило, ни то, ни другое желание не исполнялось. Дни и ночи шли своим чередом. Вот и на сей раз утро наступило. Началось с миски холодной воды.

– Твою мать! Твою ж мать!

Сон смыло моментально... Тимур хотел сказать этой чертовой наркоманке, что... В общем, хотел сказать, все что о ней думает, однако сдержался. Она не стоит злости, она вообще ничего не стоит.

– Выпусти меня.

– Привет. – Салаватов руками пригладил мокрые волосы. Подумаешь, холодная вода, неприятно, но не смертельно, главное, не нервничать. С ней следует поговорить и поговорить спокойно, иначе она не отстанет, а ему всю оставшуюся

жизнь придется бегать от вздорной девчонки, возомнившей себя народной мстительницей.

– Выпусти меня! Немедленно!

– Утро доброе. – Тимур даже улыбнулся, Нику прям перекосило от злости.

– Если ты не откроешь дверь, я заорю! Прямо сейчас!

– Ори.

Угрозу свою Доминика исполнила. Боже, ну и голос! Ее, наверное, и на Аляске услышали. Правда сил хватило минут на пять, потом Ника закашлялась, и кашляла она гораздо дольше, чем орала. Тимур успел и зубы почистить, и чайник поставить.

Доминика

– Чай или кофе? – Спросил он. Вот же хладнокровный сукин сын. Я попыталась взять себя в руки. Сначала, проснувшись в незнакомом месте, я испугалась и растерялась. Наоборот, сначала растерялась, потом испугалась. Место незнакомое, в голове пустота пополам со странными образами. В памяти Лара и Тимур. Тимур и Лара. Тимур.

Он спал в соседней комнате. Лежит на спине, одна рука свешивается с кровати, на темной коже запястья проступают голубые вены, наверное, если прижать палец, можно ощутить, как бьется пульс... А вторую руку он под голову положил, так же спать неудобно, и вообще... И вообще, мне пле-

вать, удобно ему спать или нет. Мне нужно выбраться пока он не проснулся.

Не получилось. Дверь заперта, и ключей поблизости не наблюдалось. Телефон тоже не работает. А мой мобильник где? Не помню... Из моих вещей здесь только перемазанные какой-то вонючей гадостью шорты, в карманах которых царит удручающая пустота, топик, где даже карманов нету, и домашние тапочки.

Скотина! Это он виноват, никаких сомнений, он догадался про письма и похитил меня, чтобы... Не знаю, зачем, но вряд ли меня ждет отдых на Канарах. Ну уж нет, со мною он так просто не справится, отпустит, куда он денется, вот проснется и отпустит. Впрочем, какого черта я должна ждать, пока их величество проснутся? Ковш холодной воды способствовал пробуждению. Салаватов вскочил и даже ругнуться изволил. По правде говоря, разочарована, я ожидала куда более изощренных выражений, а тут какое-то жалкое "твою мать".

Потом я потребовала свободы, но требование было проигнорировано, как и угроза. Тимур вообще был на редкость спокоен. Ничего, скоро от его спокойствия одни черепки останутся.

– Чай или кофе? – Повторил он вопрос.

– Чай. – От крика в горле першило, а от кашля к горлу подкатывала тошнота. Это он виноват. Он вчера что-то сделал, отчего мне так плохо.

– Садись. – Тимур поставил на стол кружку с черным напитком, больше похожим на нефть, нежели, на чай. Это мне? Нет, в моей кружке плескалось нечто более съедобное на вид. Не спрашивая, Салаватов бросил в чай пять ложек сахара. Зачем в чае столько сахара?

– Пей.

Я с сомнением посмотрела на напиток, я вообще без сахара чай пью, а тут целых пять ложек, он что, издевается?

– Пей. Тебе полезно. После вчерашнего.

Ладно, попробую, горячий сироп успокоил тошноту, и в целом полегчало. Поблагодарить его, что ли? Еще чего. Вчера он напичкал меня какой-то дрянью, а сегодня лечит и думает, будто я сейчас растаю от счастья. Не дождется.

– Поговорим?

Я кивнула. Поговорим. Тимур изменился, старше стал, мрачнее, с него словно шкуру содрали, а под ней вдруг панцирь обнаружился. Плотный такой, зубами не прогрызешь, молотом не пробьешь. Раньше он часто улыбался: Ларе, мне, знакомым и незнакомым людям, просто миру, а теперь что? Сидит, сложив руки на коленях, и меня рассматривает, а на губах – и тени улыбки нету. Впрочем, с чего бы это ему веселится, шесть лет за решеткой, думаю, веселья-то поубавили. И правильно! Мало ему дали! Пусть бы вообще сдох там, как собака, ненавижу!

– Зачем ты это делала?

– Делала что?

– Письма. На вокзале встреча. Это было сильно.

– Не понимаю, о чем ты. – Чай в кружке закончился, оставив после себя гадостный сладкий вкус. Это из-за сахара. С сахара мысли переключились на Тимура. Письма, согласна, я письма писала, но вокзал-то тут при чем? Там я не показывалась, это было бы преждевременно.

– Не понимаешь? Парик. Одежда. Улыбка... Издалека было похоже. Я даже... Я подумал, что... Не важно. Зачем ты это сделала?

– Я...

– Не притворяйся. Это ты, больше некому. Решила свести меня с ума, да?

– Да! – Да, черт побери, тысячу раз "да". Я целых шесть лет представляла себя, как он будет медленно сходить с ума, как сядет на иглу, превратится в грязное, вонючее существо, и, в конце концов, сдохнет в канаве от истощения либо передоза.

Странно, но мои откровения он выслушал спокойно, словно ожидал нечто подобное. Я орала, а Салаватов сидел и молча пил свой чай, похожий на нефть. Как он может оставаться таким равнодушным? Ублюдок!

– Бесишься, – сказал ублюдок, – как кобра, у которой ядовитые зубы выдрали, укусить не можешь, так хоть плюнешь ядом.

– Имею право!

– Неужели? – Он все-таки улыбнулся, но, боже мой, эта

его улыбка больше походила на оскал бешеного волка, Салаватов предупреждал: не трогай, не лезь. Да плевать мне на его предупреждения. Не боюсь я его. Я вообще ничего не боюсь!

– Значит, девочка подросла и решила, будто бы имеет право портить жизнь другим людям? Так?

Я решила не отвечать. Принципиально. Не буду с ним разговаривать, все равно не поймет, скажет, «Извини. Я убил твою сестру, но за это заплатил сполна, сколько присудили, столько и отсидел». А объяснять, что меня не устраивает приговор, и что Лара мертва безвозвратно, а он, урод, убивший ее, будет продолжать жить, не хочу. Не поймет. У него своя правда, у меня своя.

– Ладно, – Салаватов потер виски. А у него седина появилась, надо же, он же еще молодой, сколько ему? Двадцать семь? Двадцать восемь? Около того.

– Давай поговорим нормально. Во-первых, я тебя не держу, можешь катиться на все четыре стороны. Во-вторых, убедительно прошу прекратить игру в призраков, я в них все равно не верю. Картину можешь забрать, она мне не нужна. В-третьих, это совет, брось ширяться, до добра не доведет.

– Чего?

– Того. – Передразнил он. – Ширяться прекращай. Нюхать, колеса жрать, вены дырывать, я уж не знаю, чего ты там делаешь.

– Ничего. – Я совершенно не понимала, чего он от ме-

ня хочет. Какие вены, какие колеса? Но, главное, Салаватов не собирается меня задерживать, говорит же, что могу идти, куда пожелаю. А вот насчет "оставить" его в покое – это он зря надеется. Ладно, пусть раскусил, пусть план провалился, придумаю что-нибудь другое.

– Чего-ничего. – Пробормотал Салаватов, поднимаясь. Сейчас он... Сейчас он меня убьет. Как Лару. Точно убьет! Вон, нож в руке. Огромный, и лезвие широкое, острый, небось. Брусок достал, положил на одно колено и принялся выглаживать лезвие. Вверх-вниз, вверх-вниз... Вжик-вжик. Как в кино про маньяка. Я следила за каждым его движением, ожидая, когда же проклятый урод нанесет первый удар. Наверное, следовало закричать или швырнуть в него чем-нибудь тяжелым, и убежать. С самого утра нужно было убежать, а теперь все, поздно. Ходит с ножом по кухне и смотрит на меня так, что кровь в жилах стынет, а по коже мурашки бегут...

– Чего?

– Что?

– Чего ты на меня смотришь? – Не выдержал Тимур. – Что не так?

– Нож.

– Ну, нож. – Он попробовал остроту лезвия пальцем. – Был тупой, стал острый. Что непонятно?

– Убери нож, а не то... А не то я заору!

– Не наоралась еще? – Нож Салаватов не убрал, более то-

го, аккуратно вытер лезвие бумажной салфеткой, сполоснул и еще раз вытер. Мамочки...

– Сиди, дура, спокойно, не собираюсь я тебя трогать. Нужна больно.

– А нож?

– А хлеб? Отгрызать прикажешь?

– Хлеб? – Мысль о том, что он хочет сделать себе бутерброд, в голову не приходила. Ну не ассоциировались у меня с ним бутерброды.

– Хлеб, хлеб. – Повторил он. – И колбаса, если вдруг еще поорать захочется. Сыр, кстати, тоже ножом режут. Совсем мозги спеклись.

– У кого?

– У тебя, Ника. Ника-Ника-Доминика.

От этого его "Ника-Ника-Доминика" стало совсем-совсем плохо. По какому праву он называет меня так, как раньше? По какому праву он сидит тут и жует хлеб с колбасой? По какому праву он вообще живет? Предательница-слеза капнула на стол. За ней вторая, и третья, и четвертая. Не буду плакать, закушу губу и не буду. От боли слезы градом хлынули.

Год 1905. Продолжение

Жил местный доктор небогато. По дороге Федор рассказал, что с практикой у Юзефа не больно-то ладится, народ тут бедный, сами лечатся, кто как может, вот и вынуж-

ден пан Охимчик работатъ почитай задарма, чтобы к нему люди шли. Живет у вдовы, за комнату не платит, зато лечит пани Терезу за так, той уже лет семьдесят, хворей не счесть, она и рада, что доктор свой под боком имеется.

Пани Тереза, сухонькая, аккуратная старушка гостям обрадовалась, повелела кухарке самовар поставить да на стол накрыть, а вот пана Юзефа в доме не оказалось.

– Уехал он. – Пояснила пани Тереза. – Он тепериче, почитай, и не появляется. Все у панночки Камушевской гостюет, бо та дуже хвора.

– А чем, если не секрет? – На вид пани Наталья выглядела более чем здоровой, врачебная помощь скорее ее брату требовалась.

– О, то мигрень. И у мене голова болит часто, а як этот волколак объявился, вогуле не вем, цо робить. День праз день, с раницы до вечора! – Пани Тереза говорила с непередаваемым местным акцентом, и Аполлон Бенедиктович с трудом понимал ее. Впрочем, главное он узнал – после смерти Олега доктор вернулся в поместье и снова встречается с Натальей Камушевской.

– Может, панна Тереза... Хотя какая вы панна, паночка! – На столь явную лесть Тереза отреагировала ярким румянцем и смущенной улыбкой, тем не менее, по всему было видно, что ей комплимент польстил.

– Может панночка знает что-либо об оборотне?

– Так! То звер, то страшенны звер, ктуры зводи род Ка-

мушевских! Он выгленда, як человек, але ж ён не ест человеком, ён – звер!

– То есть, оборотень внешне выглядит как человек? – Уточнила Аполлон Бенедиктович, Тереза закивала.

– Зупевне, як человек. Ён и жие тутай, только никто не ве, кто он таки. И сам ён тэж не всегда ве... знает, что он ест волколакем. Просто в еден минута он становится вдруг зверем диким и забива вишстких, кого види!

Из почувствованной речи пани Терезы, Аполлон Бенедиктович понял одно: искать нужно человека. Возможно, человек этот – безумец, который считает себя легендарным оборотнем и оттого мстит семейству Камушевских.

– А дочка лесника, она ведь не принадлежит к княжескому роду.

Тереза лишь фыркнула и, подхватив сухонькой лапкой чашку с чаем, охотно появилась.

– Она его видзяла! Видела.

– Девушка была слепа. – Это единственное, что удалось узнать о покойной, поэтому версию о том, что убийца опасался разоблачения, можсо было считать несостоятельной. Ничего он не опасался.

– Но то очи... глаза еще не все. Бывает, что слёпые люди видять больш...больше, чем зрячие. Я очень хóчу, чтобы вы меня зрозумели. Стася распознала бы ёго, потому он и убил.

Интересная версия. Аполлону Бенедиктовичу приходилось слышать, будто бы люди, обделенные возможностью

видеть, хорошо слышат, и нюх у них преотменный, скажем, как у собаки, а то и лучше. Тогда есть шанс, что Стася опознала бы убийцу по запаху.

Нет, глупость несусветная, если бы он не напал, она бы и не узнала о его существовании. А, если он не знал, что девушка слепа? Если допустить, что сей гипотетический Оборотень делал в лесу нечто не совсем подобающее человеку, нечто опасное, а тут девушка. Он думает, что она видела и выдаст его полиции, поэтому и убивает. Логично. Большие всего Аполлон Бенедиктович любил логику именно за то, что она не оставляла места всякого рода сказкам про оборотней, ведьм и прочую нечисть, в которую Палевич не верил. Вот истинная правда, прославив знатным специалистом по всякого рода чертовщине, Палевич тем не менее, ни в черта, ни в Бога не верил. И раз за разом убеждался, что всякого рода «потусторонние» явления, коими увлекаются нервные дамы на сеансах «спиритизма», суть глупость либо злой умысел человеческий.

И оборотня он найдет всенепреренно. Завтра же навещается в то место, где убили девушку. Она стала первой жертвой, с нее и нужно начинать расследование.

Распрощавшись с гостеприимной вдовой, Аполлон Бенедиктович отдал приказ ехать домой. Остановился он в единственной гостинице. Заведение вполне приличное и недорогое, и пансион полный, что еще нужно старому холостяку. Федор, правда, настойчиво зазывал начальство в гости,

но делал это как-то не искренне, и Аполлон Бенедиктович отказался. Лучше он отдохнет, подумает в тишине, а уж завтра примется за расследование сего странного дела со свежими силами.

Однако подумать не удалось – после сытного ужина нестерпимо потянуло в сон. Переезд сказался, да и день нервный выдался, Николая, Натлья, пан Юзеф, с которым так и не вышло познакомиться, пани Тереза, Федор с его непоколебимой верой в чудище и серебряные пули.

Спал Аполлон Бенедиктович плохо, всю ночь его преследовал огромный черный волк с желтыми глазами, в которых плавилось, пылало адское пламя. Волк то припадал на задние лапы, точно собираясь прыгнуть, то улыбался, демонстрируя огромные клыки, то хохотал человеческим голосом. Закончилось все тем, что, загнав Аполлона Бенедиктовича в угол, волк, вместо того, чтобы вцепиться ему в горло, ласково лизнул в щеку и прошептал:

– Аполлон Бенедиктович? Проснитесь, пожалуйста. – И Палевич, опасаясь рассердить зверя, послушно открыл глаза. В комнате было светло, и следователь вздохнул с облегчением, приснится же такое, это все Федор с его рассказами про оборотня повинен. В следующую минуту Аполлон Бенедиктович заметил ее. Девушка? Женищина? Глубокая старуха? Не понятно. Черный плащ, черная шляпка и черная густая вуаль не позволяли определить возраст незнакомки.

– Аполлон Бенедиктович? – Прошептала она. Специально

говорит тихо – понял Палевич – чтобы потом по голосу не узнал.

– Кто вы?

– Простите, но имя назвать не могу. Я пришла затем, чтобы предупредить вас.

– О чем?

– Уезжайте! Оборотень остановится, он больше не будет убивать, если вы уедете.

– А если останусь?

– Тогда...

Палевичу почудилось, будто незнакомка улыбается.

– Тогда вы, пройдя по трупам, может быть, и сумеете заглянуть ему в глаза, но готовы ли вы к этой встрече?

– Я не уеду.

– Жаль. – Незнакомка положила что-то на стол. – Я буду молиться за вас. За нас, за всех нас.

– Кто вы? – Повторил вопрос Аполлон Бенедиктович.

– Тень из прошлого. Простите. – Прежде, чем Палевич успел предпринять что-либо, незнакомка вышла из комнаты. Бежать за ней было бессмысленно, в неглиже много не побегаешь, а ждать, пока он оденется, дама не станет.

На столе лежало кольцо и крестик, маленький серебряный нательный крестик. Даже не проводя опознания, Аполлон Бенедиктович мог поклясться – крестик принадлежит убитому Камушевскому. Но откуда он у дамы в черном, и откуда она сама взялась?

Сплошная чертовщина вокруг творится, но сворачивать с выбранного пути Палевич не собирался.

Тимур

Она сидела напротив, закрыв лицо ладонями, и всхлипывала. Она же еще ребенок, маленький дурной ребенок, который сам не понимает, в какое дерьмо вляпался. Вляпалась. А ему что делать? Сидеть и смотреть?

– По голове ее погладь. – Присоветовала Сущность. – И расскажи заодно, что наркотики – это бяка.

Сущности Тимур посоветовал заткнуться, но вот проблемы Никиных слез это не решило.

– Ну... Перестань... – Мысли заметались, подыскивая подходящие к случаю слова. – Не плачь. Все хорошо будет. Ну...

Он и сам не понял, как и когда получилось, что она плакала уже, уткнувшись мокрым носом в его плечо, каштановая, с рыжеватым отливом, макушка подрагивала, а от слез промокла майка.

– Ну, ладно тебе, пройдет же...

Прошло. Гадкая девчонка в последний раз шмыгнула носом, и в следующую секунду острый кулачок врезался в печень. Это было больно! Это было чертовски больно!

– Ну, утешил крошку? – Ехидно поинтересовалась Сущность.

– Иди ты... – Прошипел Тимур. Вслух. Он бы еще добавил, за шесть лет словарный запас значительно расширился, но слова застряли в глотке.

– Ты! Ты иди! Ты – сукин сын! Урод! Ублюдок! Сволочь!

– *Да, давай, иди успокой ее.* – Хихикал голосок в голове.

Сущность веселилась вовсю, а вот Тимур было не до смеха. Верно говорят, не спешите творить добро. Вот пожалел он ее вчера, к себе приволок, спать уложил, по утрам чаем напоил, и где, спрашивается благодарность?

Ника стоит, прижимаясь спиной к холодильнику, и орет на него. Она орет на НЕГО! В его же квартире! Да выпороть ее следовало, еще вчера, или, на худой конец, утром, а то, ишь, разоралась. И глазами своими, того и гляди, дырку пробуравит. Зеленые они у нее, ведьмины...

К черту подобные мысли!

– Вали отсюда.

– Что? – Она тыльной стороной ладони вытерла нос. И ладонь вытерла, о его, между прочим, занавеску.

– Вали, говорю. – Внятно повторил Тимур. – Отсюда. Пока задница целая.

– А то что?

– А то выпорю.

– Ты... Ты...

– Я – это я. А ты – это ты. Понятно?

Она вдруг схватилась руками за голову. Ну, что опять? Больно, да? Но Салаватов, наученный горьким опытом, не

шелохнулся. Пусть она хоть по полу катается, больше он на эти женские уловки не попадетсЯ.

– Как ты сказал? Ты – это я? Я – это ты. Астры. Смех. Лара. Она сказала, будто я – это она. Нет, не так, будто она – это я. Лара сказала... сказала, что я виновата, что, если бы скорую вызвала, если бы догадалась в комнату заглянуть, она бы выжила. А я специально не заглянула, поэтому виновата! – Голос перешел в скулеж. – А я не виновата! Не виновата!

– Не виноватая я, он сам ко мне пришел. – Тимур отвернулся, чтобы не видеть этих растерянных зеленых глаз.

– *Давай, соври себе, что она – потерявшаяся душа, которую немедленно нужно спасти.* – Поддела Сущность. – *Давай, у тебя уже имеется опыт по спасению потерянных душ. Только учти, во второй раз шестью годами не отделаешься. Десятка, минимум.*

Именно поэтому второго раза не будет. Доминика успокоится и пойдет к себе, а как уж она будет там, у себя жить, или, наоборот, помирать, его уже не касается.

Она ушла. Бочком, по стеночке, стараясь не встречаться взглядом с Тимуром, вышла с кухни. А спустя минуту хлопнула входная дверь. Все правильно, ключи-то на тумбочке лежали, странно, что она их сразу не нашла.

Вот и все, грустный конец грустной истории.

Мой дневничок.

Кораблики, кораблики, белые кораблики. Куда ни глянь,

всюду они. Надоедает. Нет, честное слово, надоедает. Тимка вчера предложил отдохнуть на море, вроде как путевку в круиз купить собирался, так меня едва не стошнило. Кораблик. Большой-большой кораблик. Блин, не хочу плавать, мне на земле больше нравится, она твердая.

Писала звезды, это столько энергии отнимает, я почти без сил остаюсь, если бы не Алик, сдохла б к чертям собачьим. Смешно, представляю, как обеспокоенный Салаватов прибегает в студию и находит мое тело. Ой, блин, эти новые таблетки совершенно непонятно на меня действуют. Алику денег задолжала. Требуется отработать долг, иначе таблеток не будет. Послала его к чертовой матери. Я же не наркоманка какая-нибудь, обойдусь и без таблеток. Давно хотела бросить.

Вчера ушла последняя, остается ждать, не думаю, что все будет так страшно, как рассказывают. Да и стоит ли верить сказкам, вон, про сигареты тоже много чего сочиняют, но ведь бросают же люди курить, главное – сила воли, а ее у меня хватит.

А в голове одни кораблики.

Доминика

Домой я вернулась. Да, я вернулась домой и это классно. Салаватова мой уход обрадовал несказанно. Небось думает, что на этом все: ошибается. Я вернусь, я не отстану, он дол-

жен ответить за Лару, хотя бы потому, что жив и на первый взгляд здоров, а она мертва.

Следовало бы на кладбище съездить, давно уже не была, Лара расстроится. Но это потом, сначала себя в порядок приведу.

Квартира встретила разрухой. Господи, когда же я успею устроить этот бардак? Натуральное Мамаево поле! Или у Мамаево курган был, а поле Куликово? Не помню. Вещи разбросаны, дверь на балкон открыта настежь, а на полу под ногами хрустят осколки стекла. Ничего не понимаю! Кто разбил вазу? И стаканы? И крупу на кухне рассыпал, теперь, куда ни глянь, коричневые зернышки гречки и белые риса. Спасибо, что до сахара неведомые вандалы не добрались. До денег, кстати, тоже.

Зато уборка поможет привести мысли в порядок. Надеюсь, что поможет. Может, удастся вспомнить, как я попала к Тимуру. И почему он назвал меня наркоманкой? Я даже обычных сигарет не курю, что уж тут говорить про... Ладно, у Салаватова в тюрьме крыша на бок съехала, вот и мерещится всякое, нечего на него время тратить.

Или есть чего? Все странности начались именно тогда, когда он вышел. Непонятно.

Лара позвонила без десяти двенадцать. Я точно помню, потому что собиралась спать лечь, а тут звонок. Явление более чем странное, кому я нужна? С работы уволилась, подруг нету, друзей тем более, тогда кто звонит. Тимур?

Оказалось, что Лара. Нет, правда, она и в самом деле позвонила мне!

– Привет... – голос, несмотря на треск и шипение, раздававшиеся в трубке, я сразу узнала. Но на всякий случай переспросила.

– Лара?

– Ну, конечно, глупенькая, это я.

– Невозможно.

– Почему? – Лара рассмеялась, как же хорошо я знаю этот смех. Как же хорошо я знаю этот голос. Как же хорошо я знаю Лару – это она, но как мне поверить?

– А, помнишь, мы с тобой Шекспира читали? "Как много в мире, друг Горацио, чего не снилось нашим мудрецам". Впрочем, кажется, там не совсем так, но это же не важно?

– Не важно.

– Все равно не веришь. – Огорчилась Лара.

Конечно, нет. Лара умерла, уже шесть лет, как умерла, ее похоронили. Я регулярно бываю на кладбище, слежу за могилой, цветы привожу, и в церкви за упокой Лариной души свечи ставлю...

– За свечи спасибо, мне легче становится. Ника, девочка моя, если бы ты знала, как мне плохо, если бы ты знала, как мне больно... Я соскучилась, я так по тебе соскучилась! Увидеть бы, обнять, но нельзя.

– Почему? – Этот голос гипнотизировал меня, повесить бы трубку, да не могу, слушаю, словно бандерлог Каа.

– Правила такие. Помнишь, как ты в пятом классе курить пыталась? Я тебя поймала и по губам надавала, а ты еще плакала и просила тетке не рассказывать.

– И ты не рассказала.

– Не рассказала.

Пауза. Я вспоминаю давний случай и заодно пытаюсь сообразить, кому же о нем рассказывала. Выходило, никому. Случай-то ничем непримечательный, пустяк, и ко всему неприятный. А Лара помнит, вернее, напоминает. Значит, все-таки она.

А кто ж еще. Записки, суп в холодильнике, сок и картина – это, значит, нормально, а звонок удивляет. Тут уж либо верить, либо нет.

– Ники, ты же веришь, что это я?

– Верю.

– Спасибо. – Ларин голос терялся среди треска и шума. – Ника, милая моя, мне очень-очень нужна твоя помощь. Ты должна вернуться к Салаватову!

– Что?

– Послушай, у меня мало времени, очень мало. Тимур не виноват. Он не убивал меня, а ты сделала так, что он понес незаслуженное наказание, это плохо, Ника. Ты украла чужую жизнь, и за это потом, после смерти, будешь наказана, понимаешь?

Нет, не понимаю и понимать не хочу. Как это Салаватов не виноват, если он виноват?

– Ты ведь не видела, как он вернулся, правда? Только не обманывай, я же знаю.

– Не видела, но Лара это же он больше не кому!

– Не надо, Ника, ничего не говори, просто поверь, Тим не возвращался, вместо него пришел... другой человек.

– Кто?

– Извини, но сказать не могу. Это против правил. Ника, милая моя сестренка, ради себя... ради меня... не надо никого искать, не надо никому мстить, это неправильно, так нельзя. Не повторяй моих ошибок.

– А что мне делать? – Я совершенно растерялась. Это как если живешь-живешь, а потом вдруг оказывается, что живешь неправильно. Ну совсем неправильно, жить надо было иначе и думать иначе, и все тоже делать иначе, а ты все не можешь отойти от старых мыслей... В общем, тут любой растеряется.

– Иди к нему. Поговори, он простит, Салаватов хороший. Скажи, что я просила приглядеть за тобой. Скажи, что он мне должен.

– Должен?

– Должен. Если станет артачиться, напомни про укол. Скажи, что из-за того укола, который в мастерской, все и началось...

– Какой укол?

– Он знает. – Лара увильнула от ответа. – Ты с ним должна провести шесть месяцев. По месяцу за год.

– И что тогда?

– Тогда тебя простят. Поверь, это очень мягкие условия. Сюда лучше не попадать... грязным.

– А разве я...

– А разве нет? Николь, милая, дорогая моя, сестренка моя, пожалуйста, ради меня, ради памяти обо мне, сделай то, о чем прошу.

– Пойти к Салаватову? – Да меня от одной мысли о нем в дрожь бросает.

– Не просто пойти. Ты должна жить с ним в одном доме, под одной крышей, есть один хлеб, спать в одной постели... если понадобится. Все, что угодно, лишь бы он тебя простил.

– А потом что?

– Потом мы с тобою встретимся. Скоро, я обещаю...

Год 1905. Продолжение

В лесу было по-весеннему сыро. Под зеленым покрывалом мха скрывались не то, что лужи – настоящие моря, ботинки моментально промокли, а еще и сверху капало: и с молодых, полупрозрачных листочков, и с толстых веток, и с порыжевшей за зиму хвои. Невыносимо! Но Палевич упрямо шагал следом за понурым Федором.

– Тут ее нашли. – Ткнул он в кусты по правую сторону тропы. – Она отца схоронила самовольно, на церковь да на кладбище в городе денег-то не было, вот с Василем, кото-

рый на хуторе живет, и закопали старика в лесу. Василь домой воротился, а она уже после к себе пошла. Дорогу-то с поляны знала, Стася, хоть и незрячая была, но по лесу могла одна ходить, здешние тропинки ей малолетства знакомы.

Федор точно оправдывался за незаконное захоронение в лесу, когда человека зарывают в землю, точно собаку. Небось, ежели б не убийство, то полиция о смерти лесника узнала б не скоро, а во всем порядок быть должен.

Полиция не узнала бы... Мысль завертелась в голове, точно беличье колесо. А что если... Да, в самом деле, скорее всего так оно и есть! Понятно, что оборотень в лесу делал, он прятал тело!

Чье тело? А это еще предстоит выяснить.

– Лес обыскивали? – Уже задав вопрос, Палевич поразился, насколько глупо тот звучит. Как можно обыскать всю эту непроходимую, уютную чащу, мокрую и враждебную к людям. В городе Аполлон Бенедиктович чувствовал себя несоизмеримо спокойнее, в городе он бы сразу понял, где и что искать, а тут... Куда ни глянь – мох, гнилые прошлогодние листья да прелая хвоя.

– А чего искать? – Удивился Федор. – Следы вокруг тела волчи токмо были, да и то старые, ее ж не сразу нашли, зверье поест успело. Страх вспомнить, что с нее, бедолаги, осталась.

Федор вновь перекрестился.

– А больше никто не пропадал?

– Кузнец, я ж вам про него сказывал, что ушел на болота клад искать и все, больше его не видели. Он по жизни блаженным был, все проклятым золотом грезил и грезил, видать, оно его к себе и прибрало-то.

– Какое золото? – В сей местности определенно чувствовался переизбыток легенд, то тебе оборотень, то золото какое-то проклятое.

– Так Богуслава жеж. Он богатый был, собака, а, как почувал, что скоро конец настанет, что Вайдин сын не отступится, пока весь род Камушевских под корень не изведет, так и решил откупиться. Собрал золото, какое в доме было, и в лес повез, чтоб, значит, с оборотнем полюбовный договор заключить. Да только не вышло у него! – Федор перешел на шепот, и Палевичу пришлось наклониться ближе, чтобы расслышать невнятное бормотание жандарма.

– Мертвым его в лесу нашли, вроде с коня упал и разбился насмерть, а золота при нем ни крупиночки, все куда-то спрятал. Вот и пошел слух, будто бы оставил Богуслав богатство свое в тайном месте, якобы в уплату за грехи, и, если кому удастся то золото сыскать, тот не только сам богатым станет, но и детям, и внукам жизнь достойную обеспечит.

– А было ли золото? – Палевичу на своем веку приходилось слышать немало подобных легенд, однако на его памяти еще никому не удавалось обнаружить зачарованный

клад. Видать, действительно запирали их в земле крепко, не словом – кровью запечатывая.

– Было. – Федор, прислонившись спиной к коричневому в лохмотьях коры стволу сосны, принялся перечислять. – Крест золотой, в три ладони длиной, рубинами и изумрудами украшенный. Он раньше в костеле стоял, а, как Богуслав помер, то и обнаружилась пропажа. Вместе с крестом исчез оклад с иконы, этот оклад на всю округу известен был, его в Италии делали и в Ватикане сам Папа освящал.

Верилось, конечно, слабо, но список впечатлял.

– И украшения все Каролины Камушевской пропали бесследно, и цепь золотая, с которой Богуслав не расставался, и монеты золотых старой чеканки больше тыщи! И цветок из цельного брильянта сделанный, про который говорили, будто он один дороже всех земель Камушевских. Не верите? Вот вам крест, что не вру! В книге приходской все записано! Шум большой поднялся, на всю округу, я, если хотите, могу список показать!

– Покажешь, всенепременно покажешь. – Аполлон Федорович испытывал странное ощущение, что мифический клад, мифический оборотень и убийства связаны между собой. Поскольку прежде не случалось обманываться в предчувствиях своих, то и на сей раз Палевич охотно поверил. Всенепременно следует взглянуть на сей прелюбопытнейший документ.

Однако, пора возвращаться, негоже опаздывать к обе-

ду. Коли уж пани Наталья снизошла до приглашения, то представившуюся возможность нужно использовать. Да и возможно удастся выяснить, кто та незнакомка в черном, что приходила утром.

Тимур

Целый день кряду Тимур провалялся на кровати, наслаждаясь тишиной, покоем и тем удивительным фактом, что он за просто так может валяться на кровати и ничего не делать. Вот лежать и все. Ну, и думать еще, чтобы совсем уж не отупеть от вольной жизни. Денег на первое время хватит. Фирма, конечно, тихонько агонизировала под вздохи-ахи сотрудников, до глубины души пораженных арестом начальника. Однако сей факт ни в коей степени не помешал им растащить все более-менее ценное имущество, включая Тимурово кресло и Тимуров же кактус. Смешной был, зеленый, приплюснутый, словно лопающаяся от загулявших на жаре дрожжей пивная бочка, с длинными, чуть загнутыми на концах иглами и маленькими зелеными шариками-детками.

Больно? Да. Обидно? Да. А что поделаешь. Смешно думать, что сотрудники шесть лет будут пахать, дожидаясь босса, подобно средневековым вассалам, чей сюзерен застрял на затянувшейся войне с неверными. Да и в средневековье, если память не изменяет, не все так гладко было с сюзеренами и вассалами, чего уж ждать от насквозь циничного и

делового двадцать первого века. Кто успел, тот и съел. Салаватовскую фирму с потрохами проглотили, косточек и тех не осталось. Ладно, он – не Пушкинская старуха, чтобы рыдать над разбитым корытом, и золотой рыбки на горизонте не видеть, самому работать придется. И Тимур поработает с удовольствием, это ж на себя, а не на чужого дядю.

Из хороших новостей – банк, куда Салаватов откладывал по старой русской традиции "лишние" деньги, не прогорел, не обанкротился, не обманул. Вклад лежал, дожидаясь хозяйина и обрастал процентами, как жирный хряк салом.

Для начала денег хватит. Закинув руки за голову, Тимур принялся мысленно вырисовывать, что и как станет делать. Завертелись-закрутились виртуальные колесики виртуального бизнеса, потекла в карман виртуальная прибыль, и даже тратится начала, когда зазвенел телефон. Черт, ну как чувствовал, не надо было его включать. Фирма с работающими сотрудниками и ангелообразной секретаршей моментально растаяла. Ну и кому, интересно знать, он понадобился в первом часу ночи?

– Аллю?

Из трубки доносились треск, шипение и чье-то нервное, возбужденное дыхание.

– Аллю?

Молчание в ответ. Ну, все понятно, Ника снова укололась или что она там еще делает, и решила поразвлечься. Вот же неугомонная душа!

– Ник, я знаю, что это ты, так что прекрати маяться дурью и ложись спать.

Трубка ответила сдавленным смешком.

– Уши оборву. – Пригрозил Тимур, нажимая на "отбой". Подумав, он и шнур выдернул, так спокойнее.

Первым, кого он увидел, выйдя из квартиры, была Ника. Вот вам и здрасти. Она сидела на скамеечке с видом бедной сиротки, приехавшей в гости к богатым родственникам, и теперь гадающей: пустят ее в дом или сразу погонят прочь. Аж слезу прошибает, какая она несчастно-правильная, спинка пряменькая, коленки вместе, глазки опущены, ручки нервно теребят подол юбочки. Тьфу ты! Что ей на этот раз нужно-то?

– Здравствуй. – Пробормотала она, поднимаясь навстречу.

– И тебе не болеть.

А глаза у нее красные и опухшие, словно Ника ночь напролет в подушку рыдала.

– Ага, тебя, несчастного, оплакивала. – Буркнула Сущность.

– А я к тебе.

– А меня дома нет. – Не хватало еще ее в квартиру пускать, кто знает, чего от нее ждать-то. Он ее в квартиру пригласит, а она потом обвинит в попытке изнасилования. Нет уж, он про эти штучки под общим названием "давай погово-

рим наедине", наслышан, пускай другого лопуха ищет.

– Тим, ну, пожалуйста. Пожалуйста, выслушай. Мне надо... Я... Я извинится хочу...

– За вчерашнее.

– *Тогда уж за позавчерашнее.* – Поправила Сущность, с интересом прислушиваясь к разговору.

– Нет, не за вчерашнее. Хотя, мне тоже стыдно, ну, что я позавчера... Или вчера. Но я не поэтому. Тогда, на суде... На следствии... Это ведь я на тебя указала. Ну, что это ты Лару. – Ника сглотнула и продолжила. – Я ведь и в самом деле думала, что это ты. А это не ты. Ну, она мне только вчера сказала, что это совсем не ты. Теперь получается, что... Я... Мне... Извини меня, пожалуйста!

Извини? Она вот так приходит и говорит "извини"? Тогда, шесть лет назад, он словно с вышки в бассейн с ледяной водой прыгнул. Тугая пленка лопнула, заглотив теплое человеческое тельце. Холодные водяные челюсти сомкнулись над головой, мышцы скрутило болью, а перед глазами запрыгали красные мошки. Вот на что это было похоже, на прыжок с вышки в ледяную воду. Полет, закончившийся падением. Ему что-то говорили, от него что-то требовали, а Тимур только и видел, что воду и красных мошек, пляшущих перед глазами, и не мог сообразить, как же такое возможно, почему Лары нет и почему все уверены, что ее убил именно он. Он же любил Лару, он бы все для нее сделал, он бы все простил, а они говорят про убийство. И Ника тоже. Она пер-

вая начала, первая предала, поверив, что он способен совершить такое. А теперь приходит и извиняется?

– Тим? Тим, что с тобой?

Непостижимым образом Ника вдруг очутилась совсем рядом. Настолько рядом, что можно было учуять аромат ее кожи, разглядеть слипшиеся от слез реснички, похожие на сосновые иглы, длинные и мягкие, и зеленое-зеленое море в глазах, и самого себя, плененного этой лживой зеленью.

– Тим? – Выдохнула Ника, краснея. – Что с тобой?

– *Спермотоксикоз*. – Любезно подсказала Сущность.

– Ничего. – Ответил Тимур, одновременно желая, чтобы рекомая Сущность провалилась к Дьяволу. Не помогло, зато наваждение схлынуло, только пульс бешено колотиться и во рту пересохло, как после пьянки. И это пройдет, так, кажется, было написано на перстне мудрейшего Соломона.

– Уходи.

– Но почему? – Ресницы-иглочки задрожали, того и гляди выкатится прозрачная капля и, зависнув на мгновение, прочертит мокрую дорожку на щеке.

– Нипочему. Просто уходи. Забудь о моем существовании. Представь, что меня нет, и не было никогда.

– Но мне надо...

– Что надо?

– *Любви и на ручки*. – Сущность откровенно развлекалась, похоже, от такой жизни у него скоро натуральное раздвоение личности начнется. – *Или, как вариант, твою голову в*

качестве охотничьего трофея.

Не угадала. Набрал побольше воздуха, должно быть, пушей храбрости ради, Ника выдала:

– Мне очень нужно у тебя пожить.

От подобной наглости даже Сущность потеряла дар речи.

Мой дневничок.

Как же мне плохо. Господи, неужели такое возможно? Салаватов весь вечер носился вокруг, «Скорую» вызвать пытался, не разрешила. Боюсь, врачи догадаются об истинной причине "простуды", тогда Тимка совсем душу вытрясет.

Черт, ну почему мне так плохо-то? И холодно. И пить хочется. Если не замерзну, то точно от жажды загнусь. Звонить Алику? Нет, потерплю еще. Я сильнее этой гадости. Ника плачет, вот дура, нашла время для соплей. Можно подумать, мне ее рыдания чем-то помогут.

Пишу, и пальцы судорогой сводит, но, если не писать, то совсем плохо становится. Накатывает. Нет, не могу больше.

Сказала, что ухожу работать, потребовала не беспокоить. В студии позвоню Алику.

Нет. Звонить не буду, не стану я перед ним унижаться.

Доминика

Естественно, я предполагала, что Салаватов визиту мо-

ему не слишком обрадуется, не говоря уже о просьбе. Согласитесь, странно выглядит: еще вчера – "позавчера" в памяти попросту не существовало – я обвиняла его во всех смертных грехах, а сегодня прошусь пожить. Самой дико. Всю ночь не спала, пытаюсь найти рациональное объяснение звонку. Не нашла, во всяком случае, рационального. Как ни крути – а крутила я по-всякому – звонила именно Лара, моя сестра, умершая шесть лет назад. Допустим, о той давней истории с сигаретами не знал никто. Шаткий довод? Возможно, но для меня более чем достаточный. Я узнала Ларин голос, и ее духи в моей квартире, и картину, и заботу обо мне. Это Лара. Но тогда выходит, что она звонила с того света? А, собственно говоря, почему бы и нет. И в газетах, и по телику полно передач, посвященных именно таким вот "возвращениям", когда умершие люди помогают своим близким и любимым. А Лара меня любила.

Мне очень хочется верить, что она меня любила. И поутру, кое-как заgrimировав помятую физиономию – бессонная ночь сказалась темными кругами под глазами и опухшими веками – я отправилась к Тимуру.

Правильнее было бы сказать "на казнь". Он же убьет меня, пристукнет, словно надоедливую букашку. Он же сидел из-за меня, это я уверенно заявила следователю, что видела, как Салаватов возвращается, хотя на самом деле ни черта не видела. Я сидела на кухне, делая вид, будто учу английский, в произношении тренируюсь, отсюда и плеер в ушах, на са-

мом же деле там стояла не кассета с нудными диалогами, а последний альбом какой-то жутко модной и оттого дефицитной группы.

Я солгала на следствии. Мне было очень-очень стыдно, что в то время, когда убивали мою сестру, я слушала кассету с последним альбомом жутко модной группы. Я ведь и без того верила в Тимурову виновность – он приходил незадолго до убийства, он кричал на Лару, он ушел, хлопнув на прощанье дверью, так почему ему было не вернуться? На первый взгляд все правильно, а на второй?

У Салаватова серые глаза, похожие на Балтийское море зимой, а еще на дым от лесного костра. Почему он смотри в меня? Не "на", а именно "в", взгляд проникает под кожу, и Балтийское море зимним холодом вливается в кровь. Не хочу, не люблю, когда холодно, пусть он отвернется, и тогда я признаюсь, расскажу про плеер и кассету, про то, что лгала и додумывала несуществующие факты, и про то, что Лара звонила. Но он не поверит, он ведь скептик.

– Уходи. – Повторил Тимур. Главное, не заплакать, я ведь сильная, я сумела выжить, значит, сумею и не заплакать.

– Ты не понимаешь... Ты должен... Я с тобой. Пожалуй-ста! – Заготовленная заранее речь, несчастный плод утренних терзаний, вылетела из головы, когда он вышел из подъезда, такой незнакомый, опасный и сильный. Раньше Салаватов казался мне образцом утонченного джентльмена из "Унесенных ветром", а теперь он вылитый американский

гангстер времен сухого закона. Только одет попроще: джинсы и майка без рукавов. На левом плече татуировка – переплетенные невиданным узором синие линии, похоже на кельтский орнамент. Ерунда, откуда на зоне взяться кельтскому орнаменту. А глаза по-прежнему холодные.

– Тимур, я не стану мешать, честно. Я... Мне очень нужно жить у тебя. Я заплачу! Честно!

Он вздохнул, потом, схватив меня за запястье, подтянул к себе, близко-близко и страшно-страшно, в жизни еще так страшно не было, море в глазах кипело яростью, а верхняя губа нервно дергалась.

– Слушай, девочка, – его слова пахли мятой и сигаретным дымом, – ты достаточно мне крови испортила, поэтому, прошу, уйди так, чтобы я тебя больше не видел!

– Но ты должен... Лара сказала, что ты должен ей за укол! Она сказала, что ты должен за тот укол, который в мастерской, что из-за него все началось.

Ну вот, сейчас Салаватов прикажет мне заткнуться и валить домой. Или сначала голову открутит? Голову жалко, и себя тоже жалко, еще жальче, чем голову. Рука, больно сжимавшая мое запястье – синяки обеспечены, тут и гадать нечего – разжалась, и Салаватов буркнул.

– Иди.

– Куда?

– Куда хотела. Ты же ко мне собиралась, так? Вот и иди, черт бы тебя побрал. Ключ у тебя есть.

А как он догадался?

Год 1905. Продолжение

Трапеза проходила в мрачном, словно сошедшем со страниц готического романа, зале. Несмотря на ясный день, было сумрачно – узкие стрельчатые окна под потолком почти не пропускали свет, а толстые восковые свечи в кованых подсвечниках чадили невероятно. Про электрическую лампочку в этой глуши никто и слыхом не слыхивал. И Аполлон Бенедиктович, невзирая на слезящиеся от дыма глаза, изо всех сил старался сосредоточиться на деле.

Место во главе стола пустовало. Однако Палевич готов был поклясться, что кресло с высокой резной спинкой, похожее на трон, долго пустовать не будет. Но вот кто займет место покойного Олега? Николя или Наталья? Николай относительно трезв, смотрит исподлобья, словно на врага, и вяло ковыряется вилкой в тарелке. Пожалуй, он чересчур слаб, а слабых правителей троны не выносят, даже деревянные. Наталья? Сидит прямо, ровно. В глазах ни страха, ни сожаления, ничего. Они словно серое грозное небо, когда не понятно, то ли сейчас тучи обрушатся на землю дождем рыжих молний, то ли рассеются.

Эх, на поэзию что-то потянуло. Пани Наталья улыбнулась, равнодушно так, вежливо, как улыбаются гостям, чье присутствие лишь терпят. Что ж, больше ему и не надо.

Палевич переключил внимание на остальных гостей.

Итак, пан Юзеф, молод, горяч, такому бы в гусары, а не в доктора. С Натальи Камушевской глаз не сводит, а глядит, точно верующий на чудотворную икону. Может такой убить? Сложно сказать. Пожалуй, ради нее, своей единственной и неповторимой, убьет без долгих раздумий. И угрызениями совести мучиться не станет.

Элиза, неизвестная невеста Олега, милая, скромная девица лет шестнадцати отроду, ничего в ней особенного нету. Простовата, не особо умна, да и на богатую не тянет – одета более чем скромно, хотя, возможно, соблюдает траур по убитому. Но не похоже, чтобы горевала сильно, и эти печально-влюбленные взгляды, которые Элиза бросает на пана Охимчика тоже свидетельствуют о том, что особой любви, во всяком случае, с ее стороны, не было.

Олег за себя уже не ответит. Мог он полюбить такую вот серую мышку или нет? Кто знает, дела сердечные оставались для Аполлона Бенедиктовича тайной из тайн, посему вопрос оставался открытым.

За столом присутствовала еще одна особа, девица гораздо более яркая и видная, чем Элиза. Особу звали Магдалиной и приходилась она Элизе старшей сестрой. Вот это действительно роковая женщина, за такую и жизнь отдать не жалко, странно, что при такой внешности она еще не замужем. Или из этих, новых, суффражисток, которые отвергают саму идею нормального построения семьи? Или же

дела обстоят еще хуже и Магдалина – революционерка? Те тоже живут согласно своим законом. Гадость, конечно, но подобной женищине многое прощается.

Аполлон Бенедиктович еле дождался окончания обеда. Поднимать за столом тему смерти князя Камушевского представлялось верхом неприличия и бездушности, да и говорить лучше бы с глазу на глаз. Вот закончится обед, тогда и можно будет побеседовать с хозяйкой дома. Но вышло иначе, после обеда пани Наталья пригласила гостей пройти в салон, и уже там совершенно спокойно заявила, что Аполлон Бенедиктович прибыл специально для того, чтобы расследовать гибель Олега. Нельзя сказать, что сие заявление стало сенсацией для присутствующих: слухи по округе распространялись быстро и о приезде следователя знали практически все, вплоть до кухарок и конюхов.

– Бедный Олег. – Элиза промокнула кружевным платочком уголки глаз, надо полагать, сей жест демонстрировал огромную скорбь и душевное потрясение.

– Он был таким милым!

Любопытно, если судить по имеющейся у Палевича информации, к покойному характеристика, данная невестой, не подходила совершенно. Милым князя не назвал бы даже друг. Сильным, мужественным, уверенным, нахрапистым, нахальным, обаятельным, галантным, если уж на то пошло, ну никак не милым.

– И давно вы обручились? – Поинтересовался Аполлон Бе-

недиктович.

– Очень. – Элиза скромно потупилась. – Наши родители желали породниться.

Так, значит, вот в чем дело, Элиза была невестой Камушевского, но тот не слишком-то любил суженую: родительская воля – не самое лучшее основание для брака.

– И когда же планировалась свадьба?

– Осенью. – В беседу влезла Наталья. – Олег планировал сыграть свадьбу осенью.

– Примите мои соболезнования!

Элиза, зардевшись от смущения, кивнула.

– Пани Наталья, не припомните, кто подсказал вашему брату идею с охотой?

– Нет.

– Я. – Николаю удалось-таки дорваться до выпивки. От него за версту разило спиртным, а расслабленно-пренебрежительные жесты свидетельствовали, что Камушевский достиг той блаженной стадии опьянения, когда море по колено. Сейчас он не боялся никого и ничего. – Я подсказал. Мы вот тут и сидели, я в этом кресле, а он там, где вы сейчас. Разговор зашел о дочке лесника, ее эта тварь почти сожрала, знаете? Нет? Я смотреть ездил! Тело разорвано на клочки, кишки из живота вывалились...

– Ах. – Бледня Элиза находилась на грани обморока.

– Николая, прекрати немедленно! – Наталья нахмурилась. Странно, но сей жест возымел действие. Николай, скрестив

руки на груди, поклонился.

– Приношу свои извинения перед дамами за столь неприятные подробности. Я всего лишь хочу помочь следствию. Тело девушки было в ужасном состоянии...

– Пожалуйста, – взмолилась Элиза.

– Мы с братом ездили в город, а потом, уже вечером того же дня, он сказал, что следует что-то предпринять, пока не поздно, пока снова никто не погиб. Я предлагал облаву устроить, охотников нанять или, на худой конец, положить денег, скажем, за каждого убитого волка – три рубля. А он... Олег упрямый был и в оборотня верил свято! Он ответил, что облаву есть смысл устраивать, когда оборотня не станет, иначе бесполезно, вместо убитых волков новые объявятся. Я тогда сдуру возьми да ляпни, что, дескать, тогда пора уже на оборотня охоту устроить. И Олег за идею обеими руками ухватился. Он даже пули серебряные достал где-то. Он бесшабашный был, на медведя с одной рогатиной вышел, что ему какой-то оборотень! А получилось, что он погиб. Я его убил, понимаете, я! – Николай засмеялся. – Я живой, а он нет! Он меня за слабость всегда укорял, а получилась так, что он – сильный, умер, а я живой, живой я!

– Николая!

– Я живой, понимаете?!

– Николай. – Магдалена схватила Камушевского за руку. – Николай, вам следует отдохнуть.

– Да?

– Конечно, вы устали, вы столько пережили. Пойдемте. – Мягкий голос обволакивал, уговаривал, обещал, и Николай, поддавшись уговорам, послушно побрел за Магдаленой. Куда? Неужто и вправду угомонится?

– Он ужасен! – Элиза, упав в кресло, принялась обмахиваться руками. – Невозможно!

– Николай впечатлителен.

– Но поведение...

– Его можно извинить. – Наталья настояла на своем.

– Конечно, конечно. Он... Он действительно пережил такой ужас. – Элиза бросила на хозяйку дома быстрый испуганный взгляд.

– Мужчине следует держать себя в руках, – фыркнул Юзеф. – Олег в жизни не позволил бы себе подобной выходки и, если бы был здесь...

– Если бы Олег был здесь, – нервно улыбнулась Наталья, – вряд ли бы за обедом присутствовал ты. И вообще...

Юзеф насупился, его задело столь откровенное напоминание о былых разногласиях. Впрочем, Палевич был склонен думать, что пан Охимчик сам не отличался храбростью. Не полез же он спорить с Николаем, предоставил дамам самим разбираться с буяном, значит, трусоват. А трусов Аполлон Бенедиктович на дух не переносил.

– Пани Наталия, понимаю, что просьба моя дерзка, но хотелось бы задать вам несколько вопросов наедине.

– Вы не имеете права допрашивать ее! – Взвился Охимчик. – Я жаловаться буду на полицейский произвол!

Палевич не сомневался: типы, подобные пану Юзефу, обожают жаловаться. Однако госпожа Камушевская отмахнулась от заступника, Охимчику только и оставалось, что сверкать глазами да нервно закручивать пальцами кончики гусарских усов.

Тимур

День был испорчен. Ника-Ника-Доминика умудрилась пройтись по всем больным мозолям сразу. Ну почему она не встретила какого-нибудь хорошего парня, вышла бы замуж, детей нарожала а там, глядишь, и образумилась бы. Так нет же, с упором маньяка дожидалась окончания его срока, чтобы теперь выматывать ему нервы.

– Ну, и зачем ты ее пустил? – Вяло поинтересовалась Салаватов. – Теперь точно неприятностей не оберешься.

– Помолчи уже.

– Молчу уже, – передразнило оно, послушно затыкаясь. А вопрос-то остался, причем не один, а целая плеяда вопросов, созвездие. Зачем Ника пришла? Какого лешего напросилась пожить? Очередной хитроумный план, очередная ловушка? Не похоже. И откуда она про укол узнала.

Да, Ларе он остался должен, не за убийство – тут он чист, аки слеза младенца – а за тот укол, который он собственны-

ми руками сделал. И за слабость свою, за то, что не сумел настоять, не сумел вытащить ее из наркотического дерьма.

Проклятье! Но откуда Доминика узнала? Лара о своем увлечении не распространялась, а сестру вообще старалась подальше оберегать от потрясений. Ника не знает о наркотиках...

– Не знала. – Поправила Сущность. – Следствие было...

Было следствие, на котором и наркотики всплыли, и еще кое-что, вспоминать о чем было больно и противно. Тогда он клялся, что не знал, а ему не верили, это ведь такой удобный мотив. Великолепное дополнение к показаниям свидетельницы. К Никиным показаниям.

Станным образом этот самый мотив, которого на самом-то деле не было, послужил смягчающим обстоятельством. Салаватову сочувствовали, бывает и такое, когда убийца не вызывает ничего, кроме жалости.

Это было хуже всего жалость и презрение, так и читалось в глазах – "ну, мужик, и связался ты с..."

– Ну, правильно, давай сейчас себя пожалеем, поплачем, Боженька сразу озарение ниспошлет, чтобы в головушке буйной прояснилось.

– А что посоветуешь? – Тут уже и до разговора с самим собой дойдешь, главное не переборщить. Сущность обрадовалось, оно любило советы давать.

– Ну, во-первых, возвращаешься домой и вышивырываешь эту цацу вон. Во-вторых, собираешь манатки и мотаешь из

города. В-третьих, завязываешь со всеми моральными терзаниями и прочей ерундой. Что было, то сплыло, не стоит на прошлом заикливаться.

В целом, Сущность была права. Было право. Не важно. Но это в целом, а в частностях. Ладно, даст бог день, даст черт работу. Сначала он разберется с тем, с чем собирался разобраться, а потом и о Нике подумает.

Домой Тимур вернулся вечером. К плюсам сегодняшнего дня можно было отнести покупку автомобиля – без машины Салаватов чувствовал себя неполноценным, и кое-какие реанимированные связи. Встречи с нужными людьми проходили, мягко говоря, со скрипом, но ведь проходили же! И люди вспоминали Салаватова Тимура, и даже соглашались подумать о возможности дальнейшего сотрудничества. Это уже кое-что. На легкую победу Тимур и не рассчитывал, хорошо если мешать не станут.

За дневными хлопотами и "домашние" проблемы вылетели из головы. О Нике Салаватов вспомнил лишь на подходе к дому. И радужное настроение сразу разлетелось дождевыми каплями. Ну, и что с ней делать-то?

- Повторить совет?*
- Спасибо, не надо.*
- Всегда пожалуйста.*

Тимур сел на лавочку, вот глупость, он, взрослый мужик боится встречи с какой-то девчонкой. Да рыкнуть на нее ра-

зок хорошо, и испарится призраком белым.

– *Вот и рыкни.*

– И рыкну.

– *Да ну?*

– Не веришь?

Сущность ехидно хмыкнула. Не верит. Ладно, сейчас. Тимур взлетел по лестнице и дернул дверь. Открыто. А Ника спит в обнимку с подушкой.

– *Ну и?* – ехидно осведомилась Сущность.

Ну и... Ну и приплыл, нельзя же кричать на бедного ребенка. А перед Ларой он и взаправду виноват. И должен, целую жизнь, которую не сумел сохранить, должен. Если бы он был чуть сильнее, чуть настойчивее, чуть внимательнее, Лара осталась бы жива.

– *Слабак. Слабак и мямля.*

Плевать. Пусть так, пусть слабак и мямля, но он не станет будить Нику, разговор и на завтра перенести можно.

Мой дневничок.

Мне хорошо. Хочу танцевать, хочу летать, хочу парить над землей, подобно белому кораблику. Кораблики большие не раздражают. И Ника не раздражает. Она хорошая, родня все-таки. А Алик – скотина, хотя тоже не могу злиться на него. Сегодня я добрая.

Заставил "отрабатывать долг". Сначала было противно, клиент – тупой урод, Алик специально постарался, вы-

брал для меня самого страшного, ну да ладно, теперь мне все равно, я лучше их всех. Я легче воздуха. Плыву, наслаждаясь чистотой и небесной нежностью. Я – маленький кораблик. Поднимаю руки парусами и лечу по ветру... Я над землей, им не дотянутся до меня.

Доминика

Целый день сидела, дожидаясь Тимура. Он же не сказал, во сколько вернется, а я и не спрашивала, вот и приходится ждать. Он придет и станет приставать с расспросами. Это нормально, не нормально, что он вообще меня на порог пустил. Я бы на его месте...

Я бы никогда не оказалась на его месте, и гадать нечего. На суде – плохо его помню, какие-то смутные обрывки, чужие лица, чужие люди, которых раздражал сам факт моего существования, пожалуй, даже больше, чем факт убийства. Не важно. Так вот, на суде говорили, будто Лара была наркоманкой. Глупость невероятная, я бы заметила, ведь мы жили в одной квартире, я бы обязательно заметила. Тогда это обвинение выглядело слабой попыткой отмазать Салаватова. Дескать, наркоманы – это твари, убивать их не преступление.

Убивать всегда преступление, и я кричала, защищая честь мертвой сестры, а они засунули меня в больницу, якобы, истерика. Если бы не больница, уверена – приговор был бы строже. Теперь вот сижу в Салаватовской квартире, изнывая

от чувства вины, и думаю, как бы "уладить" дело. Прогонит или нет?

Прогонит, обязательно прогонит. В квартире беспорядок, видно, что хозяин вернулся после длительного отсутствия – представляю, что это была поездка, скажем, за границу – и пытается вспомнить, как и что тут было раньше. Я бы подсказала.

Жарко и пыльно. Убрать, что ли, все равно заняться больше нечем. Вот Лара никогда не скучала, она приговаривала: скучают ленивые и глупые, умный человек всегда найдет занятие себе по душе. Не скажу, чтобы уборка в чужой квартире была мне по душе, но хоть что-то.

А потом можно ужин приготовить? Хотя как-то зацепится здесь.

Телефон звонит. Салаватов? Хочет сказать, чтобы к его приходу и духу моего здесь не было? Ну, да, а кто же еще. А если трубку не подымать? Трусость, так нельзя, он все равно вернется, но куда более злой, поэтому... Ну, в случае чего скажу, чтобы перезвонили попозже. Или, что номером ошиблись.

– Ника?

– Лара? – Сегодня шумов было на порядок меньше, и сомнений не осталось – это Лара, это ее голос.

– Я.

– А я у Тимура. Я сделала, как ты велела. Он пустил, правда, боюсь, что прогонит, но...

– Умница. – Как-то очень равнодушно отозвалась она. При свете дня звонок казался чей-то глупой шуткой. Господи, да я веду себя, как последняя дура. Кто-то позвонил, рассказал байку из прошлого, и я уже готова бежать на край света, лишь бы доставить удовольствие шутнику. Ну и что, что голос похож, сейчас на компьютере чей угодно голос смонтировать можно, я в кино видела.

– Снова сомневаешься. Ты всегда во всем сомневалась, с самого детства. Помнишь, как пристала к Тимуру с вопросом, на самом ли деле он меня любит.

– Я... – Было такое, стыдно вспоминать, какая же я была глупая. Глупая и наивная.

– Не надо оправдываться, я знаю, что ты была влюблена в него. Тебе нечего стыдиться, любить – не грех. Грех забирать у человека жизнь. Ты вмешалась в ход вещей, ты солгала, а, значит, ты повинна в том, что Тимура посадили, в то время как у него была совершенно иная судьба. Человеку нельзя вмешиваться в судьбу другого человека. Понимаешь?

Не понимаю, но верю Ларе, ей ОТТУДА виднее. Никто не знал, что я влюблена в Тимура, даже она, хотя, наверное, она замечала что-то такое... влюбленное. Подтрунивала, говорила, что я уже взрослая, на парней заглядываюсь. Говорила про парней, а в виду имела одного конкретного парня.

– Тебе надо потерпеть, маленькая моя, скоро все закончится.

– Когда?

– Скоро. Совсем скоро. Потерпи, пожалуйста. И еще, Ника, ты давно не приходила ко мне. Почему?

– Куда не приходила? – Я совершенно растерялась. Как я могу придти к ней, когда я здесь, а она ТАМ?

– Как куда, на кладбище конечно. Цветы уже завяли, это некрасиво. Мне стыдно перед другими. Вон, к Анечке мама каждый день приходит, а я, точно сирота круглая, даже сухие розы убрать некому! – В Ларином голосе отчетливо сквозило раздражение. – Раньше ты тоже каждый день приходила. Потом через день. Потом раз в неделю, а теперь, значит, еще реже будешь?

– Лара, извини, я завтра же... Я... Я не думала, что ты меня видишь, мне так хотелось... раньше... поговорить с тобой. Я говорила, а ты не отвечала! – Говорила, часами говорила, обращаясь к фотографии на памятнике, а фотография в ответ молчала. Почему она не отвечала тогда, когда мне больше всего в жизни нужна была поддержка? Когда я училась жить самостоятельно? Когда осталась без денег, пошла работать на рынок – цветами торговала, месяц мерзла, а хозяин отказался выплатить зарплату пока не пересплю с ним. Я целые сутки проплакала от жалости к себе самой, на следующий же день в больницу слегла с воспалением легких. Хозяин, правда, испугался и деньги принес, но все равно было обидно и противно. После рынка были подъезды, и кафе с вечно пьяными посетителями, зато там платили неплохо, а Пашка, наш охранник, присматривал, чтобы ко мне не при-

ставали. Не из жалости или благородства – ему самому хотелось переспать со мной. Где была Лара, которой я рассказывала все это? Почему не пришла, хотя бы во сне, почему не утешила? Или больница, где я очутилась после неудачной попытки самоубийства. Второй, между прочим. Почему она не появилась тогда?

– Прости, Ника, я не могла. – Она точно мысли мои читала. Впрочем, оттуда, наверное, все видно. – Я была в другом месте... Там... В общем, мне не хотелось бы, чтобы ты туда попала. Не надо завтра на кладбище ехать. Я приготовила для тебя подарок...

– Какой?

Лара никогда раньше не дарила мне подарков, ни на день рожденья, ни на Новый год. Она просто появлялась и праздник становился праздником.

– Узнаешь. Но чуть позже. А завтра ты должна поговорить с Тимуром.

– О чем?

– Ни о чем, просто поговорить, ведь люди любят говорить ни о чем. Я люблю тебя, Ника, жаль, что поздно это поняла.

– Почему поздно?

Но Лара отключилась, трубка возмущенно гудела, требуя водворить ее на место.

Поговори, сказала она, просто поговори, ни о чем. Ни о чем болтают с друзьями, со знакомыми, с парикмахером или маникюршей, в конце концов, а Тимур кто? Враг, кото-

рый перестал быть врагом. Друг? Если мы и подружмся, то нескоро, сомневаюсь, что такое вообще возможно. Я считала, да и в глубине души продолжаю считать его убийцей – не просто избавится от идеи, в которую верила, которой жила шесть лет; он же шесть лет провел за решеткой, потому что я солгала. Так какая дружба, какие разговоры? Да стоит мне рот открыть, и вылечу отсюда с космической скоростью.

Ужин я готовила на автомате, голова, забитая мыслями, гудела, но гудение это не приводило ни к чему хорошему. Впрочем, от этой жизни я давно уже ничего хорошего и не ждала. Ларину картину – вчера забыла забрать с собой – прислонила к стене, после разговора мне было неприятно видеть ее. Черное и желтое – агрессивно, словно гадюка на полотне свернулась.

А возвращения Тимура я так и не дождалась – заснула.

Тимур

Утро началось рано – позвонил один из вчерашних "нужных" людей с интересным предложением. Пришлось в срочном порядке срываться и нестись на другой конец города, тут уж не до разговора с Никой, тут одеться бы успеть. Ладно, будет вечер, будет время, будет и разговор.

– *Сделаем вид, что я тебе поверил.* – Сущность и та по раннему времени зевала.

– Да ладно тебе. – Огрызнулся Тимур, не хватало еще, что-

бы оно ему диктовало, что и как делать. – Вернусь и все улажу.

– *Посмотрим.*

– Посмотрим.

Приснопамятный разговор все-таки состоялся. Ничего для себя нового Тимур не выяснил, Ника, уставившись зелеными глазищами прямо в душу, упрямо твердила, что ей нужно жить именно здесь, а почему и для чего нужно, не понятно. Похоже, она и сама не знала. Странное дело: на наркоманку она не похожа.

– *А Лара похожа была?* – в последнее время Сущность оживилось.

– Ты меня до гроба попрекать станешь?

– *Нет, если ты раньше ума наберешься.*

– Если не наберусь?

– *Тогда до гроба.*

С Сущностью все понятно, у нее роль такая – скептицизмом и рационализмом душить прекрасные порывы. А все равно Ника на наркоманку не похожа. И на сумасшедшую тоже. Хотя, говорят, что безумие бывает разное, иногда и врач не сразу определит, что у пациента крыша поехала. Однако, для психоза у нее слишком все конкретно, квартира, срок, только объяснения нет.

– То есть, ты хочешь жить здесь в течение полугода?

Она кивнула, соглашаясь. Сумасшедшая, нет, определен-

но сумасшедшая, нормальным людям подобные идеи в голову не приходят.

– И я должен согласиться?

Она снова кивнула. Зеленые глаза смотрели со страхом и обреченностью.

– И почему?

– Я заплачу.

Скорее уж заплачет. Женщины всегда прячутся за слезы, когда хотят чего-то добиться от мужчины. Слезы – средство испытанное, но не на сей раз. Тимур не настолько выжил из ума, чтобы позволить ей жить в квартире. Это то же самое, что строить дом на неразорвавшейся противотанковой mine, в любой момент бабахнет так, что костей не соберешь.

– *Правильно, гони ее, пока не поздно.* – Сущность к женщинам относилась с подозрением и постоянно попрекала Ларой.

– Тебе ведь нужны деньги. У тебя нет. – Ника шмыгнула носом. Господи, такое чувство, что она только и делает, что рыдает в подушку, утром заплаканная, вечером заплаканная. Истеричка, одним словом.

– Нет. – Рассказывать ей о том, что у него есть, а чего нет, Тимур не собирался. Ее логика понятна, раз сидел, вышел, значит, денег нет. Впрочем, в другом случае так бы и было, но ему повезло. Крупно повезло, но не стоит шутить с Фортуной, везение в любой момент может закончиться.

– Вот. – Обрадовалась Доминика. – Я тебе заплачу, хоро-

шо заплачу. И мешать не буду. Я и в квартире убираться могу. И готовить. И... еще что-нибудь. – Сказав про «что-нибудь», она залилась таким густым румянцем, что Салаватов не выдержал и рассмеялся. Да, правду говорят: неисповедимы пути Господни, еще недавно орала, словно кошка ошпаренная, а тут уже «что-нибудь».

– *Хорошее предложение, ты подумай, Тим, полный сервис на дому да еще с доплатой.* – Захихикала Сущность. – *И девочка из себя очень даже ничего такая. Только, мой тебе совет...*

– Уже слышал твои советы.

– Что? – Ника часто-часто заморгала, так делают, когда в глаз попадает мошка.

– Ничего. Значит так. Убирать, готовить, это хорошо. Платить... Ну, если тебе деньги девать некуда, можешь и платить, расценки нынешнее тебе известны, я пока не очень хорошо ориентируюсь. Насчет постели...

Ника замерла испуганным котенком. А пускай понервничает. Полезно иногда.

– В качестве жены ты мне не подходишь, в качестве любовницы... подумаю. Хотя... нет, определенно нет. Я более пышных люблю. И блондинок, шатенки не вставляют. Основное правило – под ногами не крутится.

– *Идиот.* – Прокомментировала Сущность.

– Пока месяц. – Предупредил Салаватов. – Если ты решила поиграть, подставить или я не знаю, что ты там еще себе

придумала, но предупреждаю – шею сверну. Ясно?

Ника радостно кивнула.

– *Полный идиот.*

Год 1905. Продолжение

Комната, в которой должна была состояться приватная беседа походила на дорогую табакерку: маленькая, аккуратненькая, обставленная роскошно и со вкусом. Тут и свечи не чадили. Камушевская присела в резное кресло – почти точную копию того, которое пустовало сегодня в обеденной зале – а Палевичу досталась низкая софа. Неудобно, теперь получается, что пани Наталья смотрит на него сверху вниз, точно на проитрафившегося лакея. Подобного конфузу в его практике еще не случалось, однако же злости или раздражения Аполлон Бенедиктович не ощутил: столь умной женщиной можно было лишь восхищаться.

– *Итак, о чем вы хотели спросить?*

– *О вашем брате.*

– *Котором. Олег или Николая?* – Наталья вздохнула. – *Мне не удалось сдержать данное вам слово, к несчастью, Николая снова выпил. Я просто поражаюсь его способности находить спиртное!*

– *Он стал свидетелем ужасного происшествия. – Осторожно заметил Палевич.*

– *Да бросьте вы! Николая и раньше пил, неужто еще не*

донесли? Нет? Я решила, что лучше сама расскажу, как есть. – Наталия говорила быстро, точно боялась передумать. – Вы кажетесь мне человеком достойным, таким, который не станет сплетничать или смеяться над чужой бедой. А Николая – моя беда. Его разбаловали. Ему потакали с детства и во всем. Мама умерла, отец постоянно болел, вот Олег и чувствовал за нас ответственность. А потом, когда заметил, в кого Николай вырос, стал его презирать. А за что, спрашивается? – Тонкие пальчики пани Натальи выбивали нервную дробь на резном подлокотнике кресла. – Олег стал суров и строг, а Николая не мог понять причин этой строгости, страдал и...

– И начал пить?

Девушка кивнула. Бледное лицо и яркие пятна краски на щеках выдавали волнение. А она храбрая девушка, если решилась на подобную откровенность с посторонним, по сути, человеком.

– Николая хотел быть храбрым, как Олег, но он не умел, у него получалось лишь, когда выпьет, тогда он способен на многое. И теперь он, видимо, боялся собственных воспоминаний, оттого и заглушал их вином. Гадость какая!

– Вам нечего стыдиться.

– В тот вечер разговор действительно был, я присутствовала и даже пыталась отговорить, но Олег, он знает какой? Уж если что решил, то ни в жизни не свернет. И надо мною только посмеялся. А я боялась, я чувствовала,

что добром это не закончится, ко мне ведь Она приходила! – Наталья вдруг перешла на шепот.

– Кто?

– Вайда! Ее появление верный признак скорой гибели кого-то из Камушевских. Я умоляла Олега выбросить идею из головы, а он не послушал и в Вайду не поверил, я же на самом деле ее видела. Она красивая. Лицо нежное-нежное и глаза зеленые, точно изумруды, а волосы распущены. Такие, знаете ли, неприлично рыжие, как огонь. – Натали замолчала. Палевич тоже не знал, что сказать. В призраков он верил не более, чем в оборотней, и в другой ситуации списал бы "явление Вайды" на излишнюю впечатлительность свидетельницы. С женщинами всегда так, сначала начитаются романов про подземелья и привидения, а уж потом в каждой тени призрак видят. Но Наталья Камушевская чересчур благоразумна, чтобы подобный эксцесс имел место. Значит ложь? Подозревать ее во вранье было неприятно, но никакое другое объяснение на ум шло. Разве что призрак действительно существует и действительно являлся Наталье. Нет, чушь, никаких призраков, оборотней, проклятий.

– Вы мне не верите. Пытаетесь понять, говорю ли я неправду или же просто принимаю желаемое за действительное. Знаете, раньше мне все эти сказки из прошлого казались ерундой, но... Погодите. – Поднявшись, Наталья подошла к секретеру. Выдвинув резной ящичек, она принялась искать что-то внутри. Палевич ждал, хотя подозрение в

том, что его пытаются разыграть, росло с каждой минутой. Слишком уж она сегодня откровенна.

– Вот! – Наталья протянула красивую шкатулку. – Откройте.

Аполлон Бенедиктович открыл. На первый взгляд ничего особенного. Портрет какой-то женщины, черты смутно знакомы, но изображение нечеткое, поэтому узнать не получалось.

– Это Катажина Охимчик. – Подказала Камушевская. – Мать Юзефа, а это – Наталья протянула круглый медальон с миниатюрой – Вайда.

Медальон старый, это Палевич и на глаз определил – серебро потемнело от времени, да и тяжеловесная работа свидетельствовала о немалом возрасте вещи, сейчас такое не делают, сейчас стремятся к легкости и изяществу. Изображение внутри растрескалось и местами выцвело, да и уровень исполнения оставлял желать лучшего – сразу видно руку крепостного мастера, который, по-видимому, отличался немалым талантом, однако не владел необходимыми для работы знаниями. Жаль, если такая вещь пропадет, Палевич умел ценить такие вот кусочки прошлого.

Вот она, значит, какая, Вайда – мать знаменитого оборотня.

– Неужели не видите! – Наталья нервничала. – Это... Это же невозможно не заметить!

О чем она? Аполлон Бенедиктович повертел медальон в

пальцах, и – о чудо! – увидел, что именно хотела показать ему Камушевская. Сходство, невозможное, поразительное сходство между двумя женщинами! И дело даже не во внешности – попробовав сличать отдельные черты, Палевич убедился, что между дамами нет ничего общего. Но как тогда объяснить, что вместе эти самые черты давали такой эффект узнавания? Мистика, самая настоящая мистика!

– Она, – Наталья благоговейно взяла портрет Катаждины Охимчик, – и есть Вайда, а Юзеф – оборотень.

– Но вы привечаете его в своем доме? – Ситуация выглядела более чем странной, при вере в пророчество пани Наталье следовало опасаться Охимчика, а не угощать обедами.

– Я боюсь. – Только и ответила она. – Вы даже себе не представляете, насколько мне страшно. Здесь... Здесь происходят ужасные вещи!

И, словно в подтверждение ее слов раздался крик. Палевич даже не сразу понял, что этот крик – не есть плод его воображения, а существует сам по себе, идет откуда-то из сердца дома. Господи, да что здесь творится-то?!

Доминика

Утром Тим ушел раньше, чем я проснулась. Еще не факт, что он вообще приходил ночевать. Он и не обязан ночевать дома, в конце концов, взрослый человек, у него разные... интересы могут быть. Однако, мысль о том, что у Салаватова

имеется подружка, у которой тот ночует, была неприятна.

Чем заняться? Кажется, еще недавно завидовала домохозяйкам, которые день-деньской валяются на диване и занимаются исключительно собственной внешностью. Пожалуй-ста, валяйся, занимайся, чем хочешь – внешностью, уборкой, готовкой, росписью по стеклу... А не хочется! И страшно, жду, что Тим вернется и выгонит, по этой же причине боюсь выйти из квартиры. И Лара обещала...

Наверное, я схожу с ума, нормальным людям умершие родственники не звонят с утешениями. Нормальные люди не ждут шесть лет, чтобы отомстить другому человеку, это только в кино герой двадцать лет томится ненавистью, а потом взрывает полгорода, выплескивая праведный гнев.

Пакет принесли в обед, я даже точное время могу сказать – пятнадцать минут третьего. Просто, когда в дверь позвонили, я на часы посмотрела, еще удивилась, что Тим так рано вернулся. Оказалось, не Тим, оказалось, посылка с того света. Пятнадцатилетний пацан в красно-желтой фирменной майке и кепке с козырьком почти торжественно протянул пакет и потребовал расписаться. Расписалась, имя стоит мое, значит, и пакет тоже мне предназначен. Открыть – не открыть? Пока не решилась, а вдруг внутри... ну, не знаю даже, взрывчатка, наркотики, ворованные алмазы? Адрес отправителя мой, получателя – Тимуров. Имя отправителя – Лариса Лютова.

Лара.

Пакет я спрятала в шкафу с твердым решением не заглядывать внутрь. Рассказать Тимур у или не стоит? Не стоит, еще сдаст в психушку и будет прав. И вообще, Салаватов еще не согласился терпеть мое присутствие в этом доме, может, вечером я к себе вернусь.

А, возможно, и не вернусь. Это уж как получится.

Уговорить Салаватова оказалось проще, чем я предполагала. Хотя странно. Что он вообще стал со мной разговаривать, ну да не важно. Главное, я выполнила Ларино пожелание. И теперь... Действительно, а что будет теперь? И как мне жить с этим вечнохмурым типом, в котором от бывшего Тима ничего не осталось?

Сидит на кухне, прикрыв дверь, значит, не хочет, чтобы я видела, чем он там занимается. Хотя чем он там заниматься может? Наркотики фасовать? Бриллианты в хлебные катышки упаковывать? Награбленное за день в крупу прятать? Глупости, совершенно не представляю Салаватова в этой роли.

Скучно. За окном темно, гулять на улице уже поздно да и не хочется одной, предполагаю, что Тимур к предложению пойти погулять отнесется, мягко говоря, с подозрением. Вот и приходится лежать, тупо уставившись в телевизор. Показывали очередной сериал, нечто детективное, с трупами, погонями, коваными интригами и, как водится, большими деньгами.

Лара обещала позвонить. Ждать или нет? На часах уже

пол-одиннадцатого, и спать хочется, но я дождусь, непременно дождусь, она обещала сказать, что дальше делать.

– Ника! – Позвал Тимур. Кричать в ответ пошлое «чего?» не хотелось, а вставать и идти на кухню, чтобы узнать, какого лешего Тиму понадобилось, было лень.

– Ника! – Придется, видимо, расстаться с теплым местечком.

– Ника!!!

– Тут я.

– А. Я зову, зову. – Пробубнил Тим. – Ужинать будешь.

– Чем?

– Ну, тебе виднее, ты за повариху быть обещалась.

– Обещанного три года ждут. – Бурчала я чисто из вредности и палку старалась не перегибать. Салаватов, кажется, это понял, иначе как объяснить его ехидную усмешку.

– За три года с голоду подохнем.

Что верно, то верно, и кушать в самом деле хочется. Только йоги способны три года без еды прожить, а я не йога. И Тим тоже не похож.

– Макароны будешь? С колбасой? – Завтра же надо будет закупиться, а то в Салаватовском холодильнике не то, чтомышь – таракан с тоски подохнет.

– Буду. Я вообще неприхотливый. Отучился. – Тим помрачел. – Ладно. Ты ту пока... Я сейчас вернусь.

Ушел. Обиделся? Но я же ничего обидного не сказала, только про макароны спросила, а он сразу и обиделся. В

квартире сразу стало как-то пусто, темно и страшно. Работающий телевизор раздражает – не кино, а пародия на жизнь. Телевизор выключила, нечего ему работать, если я все одно на кухне торчу.

Макароны сварились, колбаска подрумянилась, а Тима нет. Ну и куда он пропал? Сам же ужин требовал, а сейчас, значит, задний ход. Телефонный звонок повернул мысли в другую сторону. Лара? а я и забыла. Господи, ну как я могла забыть о собственной сестре?

– Ники?

– Лара?

– Я, а ты еще кого-то ждешь? – Она засмеялась.

– Нет, что ты... – Мне стало неудобно за ложь, но и говорить ей, что я жду Тимура, который сбежал, лишь бы не находится в одной квартире со мной, не хотелось.

– Как дела?

– Нормально.

– А почему голос грустный? Что случилось? Обидел кто-то? Тим, да?

– Нет... Да... Я запуталась. Он другой стал. Совсем другой, понимаешь, Лар?

– Люди меняются и он изменился, и ты. Потерпи, милая, скоро мы встретимся.

– Да? – Вместо ожидаемой радости я ощутила беспричинный страх. Что значит «встретимся»? Она придет ко мне? Дух, светящийся в темноте или же полусгнивший труп, от-

вратительный и вонючий. Не хочу.

– Да, Ника, скоро, совсем скоро. Не надо противиться, это не больно.

– Что не больно?

– Умирать. Страшно, но не больно. А потом... Но мне нельзя говорить, что будет потом, это тайна, в свое время сама узнаешь. Скоро уже. Я просила за тебя. ОН простил...

– Я умру? – Трубка вдруг стала скользкой и холодной. Я вытерла вспотевшие ладони о шорты. Сердце колотится.

– Боишься... Не надо бояться, не надо противиться. Это будет чудесно, мы вместе, как раньше, только намного, намного лучше, чем раньше. Здесь мама... Ты ведь хотела встретиться с ней? И тетушка. Она так ругала меня за пастушку, ты не представляешь! Знала бы, ни за что в жизни пальцем не прикоснулась бы к этой фарфоровой штуковине!

– Я не хочу умирать!

– Дурочка. – Ласково укорила Лара, совсем, как раньше, когда я в слезах прибежала домой, чтобы зализать раны после очередной неудачи. – Помнишь, ты, когда на танцы ходила, влюбилась в своего партнера? Не помню, как звали, чернявый такой, с родинкой на щеке?

– Игорь?

– Игорь, точно, Игорь. Теперь вспомнила. С танцами у тебя сразу не заладилось, но ты не бросала, к каждому занятию готовилась, словно солдат к параду, все надеялась, что он на тебя внимание обратит. А он не обращал и не обращал. Ты

плакала втихую, пока однажды не услышала, как твой драгоценный Игорь рассказывает друзьям, какая ты неуклюжая, неповоротливая, и бегаешь за ним, точно собачка за хозяином. Помнишь, как больно было? Ты три дня ничего не ела, лежала, в стену уставившись. Даже мне не сразу рассказала... Жить больно, Ника, а здесь хорошо. Легко. Нет ни боли, ни страданий, одно сплошное счастье.

Входная дверь распахнулась: Тимур, наконец-то вернулся, но он не спасет от Лары.

– Ника, ангел мой, не бойся. Ничего не бойся, знай, что я буду с тобой, что бы не случилось. Ты получила пакет?

– Пакет?

– Да, солнышко, пакет. Сегодня днем я отправила тебе подарок, ты его получила?

– Да.

Тимур подошел, неслышно, как кот. Остановился рядом, чувствую запах его туалетной воды и теплое дыхание на своей шее. Сразу стало как-то спокойнее, и страх исчез. Салаватов защитит, он ведь такой... надежный, он надежный.

– Заглядывала внутрь?

– Нет.

– Трусиха. – Лара рассмеялась. – Какая же ты трусиха, Ник, ни капли не изменилась.

Тим начертил в воздухе вопросительный знак. Спрашивает, с кем это я беседу веду, и что ему ответить?

– Загляни, Ник, я ж не для того его тебе присылала, чтоб

ты в шкафу прятала, знаешь, чего мне стоило отправить? А ты даже не удосужилась внутрь заглянуть!

– Лара, я...

– Посмотри. – Перебила она. – Обязательно посмотри. Это только для тебя, чтобы ты поняла.

– Что поняла?

– Не имею права говорить, но ты поймешь... Как Тим?

– Он... Он здесь. – Стоит сзади, дышит в затылок, отчего волосы шевелятся, и кровь бежит быстрее.

– Скажи ему, что... Хотя ничего не говори. Скоро мы увидимся. До свидания, Ник.

Она повесила трубку, а я расплакалась. В последнее время я слишком много плачу, это неправильно.

Мой дневничок.

Алик – урод. Выставил условие – либо я работаю на него, либо остаюсь без лекарств. Согласилась, а что мне делать? Салаватову пожаловаться? Скажет, что сама виновата. А еще за Алика голову свернет, у того фотки есть, где мы с ним... Это было ошибкой, но Тимка не простит, бросит и меня, и Нику, и выставку организовывать не станет. Я-то переживу, а вот выставка... выставка нужна, как воздух. Все увидят, какая я талантливая. Нет, Тимка мне пока еще нужен.

Алик обещал, что я не только долг верну, но и для себя заработаю, это то же кино, только для взрослых, это не

проституция. Конечно, не хватало еще, чтобы он из меня проститутку сделал. Тот клиент, оказывается, режиссером был, а я не трахалась – пробы проходила. Прошла. На главную роль. И смешно и противно.

Но, если таблеточку принять, все пофигу становится, и даже наоборот, круто. С Салаватовым так не бывает. Он вообще теленок, несмотря на бабки. Только зарабатывать и умеет.

Но Алик все равно урод.

Тимур

Салаватов вышел из дому за сигаретами.

– Ложь.

Нет, вправду сигареты закончились, а курить охота так, что челюсти сводит. А работающий круглосуточно ларек, Тимур еще днем заприметил.

– *Зачем ты ее оставил?* – Сущность отличалась паразитическим упрямством, настырностью и абсолютной бесцеремонностью во всем, что касалось Тимуровых дел. В данном случае ее беспокоила Ника.

– Хочу разобраться.

– В чем?

– Во всем.

– Ага, открыть наново законы Вселенной, осознать и переосознать великие философские истины, разложить по

полочкам математику и что еще там мы забыли?

– Твое молчание.

– *Не дождешься.*

Салаватов сразу поверил, впрочем, не верить самому себе глупо. А Ника... Ну, пускай поживет, одному сложно, а она какая-никакая, но память о прошлой жизни.

– *С которой ты хотел расстаться.*

– Перехотел.

Ларек работал, и сигареты в нем были, и пиво. А, действительно, почему бы не попить вечером пивка, лежа у телевизора, помолчать, подумать о тех же самых законах вселенной.

– *Лучше подумай о том, как жить теперь будешь.* – Пробурчала Сущность, отворачиваясь: обиделось.

Как, как... Обыкновенно, как все живут, так и он будет, вернется домой, поужинает и спать завалится. Ника, наверное, заждалась уже.

Ника разговаривала по телефону, вернее, стояла, прижимая телефонную трубку к уху, вцепилась в нее обеими руками, словно боялась, что отберут. Больно надо. Интересно, с кем это она болтает в такое время? На его вопрос Ника лишь мотнула головой, судя по всему, обещала рассказать попозже.

– *Или послала тебя подальше.*

Тоже вполне возможно. Судя по всему, разговор давался Нике с огромным трудом. Тимур заметил мертвенную блед-

ность, испуганный взгляд и капельки пота, застывшие над верхней губой. Складывалось впечатление, что разговор тяготит Нику, но она не решается повесить трубку.

Интересно Более чем интересно.

Стало еще интереснее, когда Ника расплакалась.

– Ну, чего стал, иди, утешай. – Фыркнула Сущность. – Только для начала вспомни, чем прошлое утешение закончилось.

Тимур помнил, но, похоже, ничему не научился. Отобрав телефонную трубку – пришлось силой разжимать Никины пальцы, Тимур на всякий случай выдернул шнур. Вообще не следовало телефон подключать, чтобы не звонили всякие там.

– Вставай, пойдем.

– Куда? – Ника заморгала, от слез глаза приобрели оттенок молодой листвы. А нос распух и покраснел. Смешная она, сущий ребенок, домашняя кошка, которая изо всех своих кошачьих сил старается походить на льва.

– На кухню.

– Зачем? – Ну, хоть плакать перестала, уже достижение.

– Ужинать будем.

– И поговорим заодно. – Добавила Сущность. Ему тоже было любопытно, кто звонил.

– Я вообще-то редко плачу. – Ника сидела, уткнувшись взглядом в тарелку. Она окончательно успокоилась, и даже

пыталась улыбаться, хотя улыбка выходила нервной и косо-бокой. И руки трясутся – вилку вон раза три уже роняла.

– Охотно верю.

Ника посмотрела недоверчиво, точно пыталась сообразить – издевается он или говорит серьезно.

– Тимур... Как ты думаешь, я нормальная?

– Это смотря что нормой считать. Внешне, вроде, нормальная, но откуда ж мне знать, чего у тебя в голове происходит.

Доминика вздохнула и, старательно отводя глаза, призналась.

– Мне Лара звонила.

– Какая Лара?

– Наша Лара. Моя Лара. Она ОТТУДА звонила.

Тимур попытался сопоставить два факта: Лара погибла и Лара звонила. Факты не сопоставлялись, чего, в общем-то, и следовало ожидать. Как она могла звонить, если умерла? Никак. Наверное, Нике снова примерещилось.

– *Твоей Нике с иглы бы соскочить.* – Присоветовала Сущность.

– Значит, тебе звонила Лара? – В ситуации требовалось разобраться, пока это еще возможно.

– Считаешь, у меня крыша поехала? – Доминика моментально подобралась. И что ей ответить, если нормальным людям покойные родственники не звонят?

– Я сама не уверена, что... что мне не привиделось. При-

слышалось. – Ника путалась в словах, точно новорожденный жеребенок в ногах. – Но, если бы мне мерещилось, если бы я сошла с ума, я бы не задумывалась над тем, что схожу с ума? Верно?

Интересный аргумент, однако: "я не сумасшедшая, так как сомневаюсь, не сумасшедшая ли я". Впрочем, относительно звонков у Тимура имелась своя собственная теория, странно, что Ника не додумалась, ей это объяснение еще раньше должно было в голову придти. Другой вопрос – кто и зачем этот цирк устроил.

– Когда начались звонки?

Ника ответила не задумываясь:

– Позавчера. Нет, раньше на день. Вчера я тут была? Мне Лара сказала придти к тебе, а сказала она за день до этого. Значит, все-таки позавчера. Только Лара еще до звонков появлялась, она бывала в квартире, это точно. Там запах ее духов, и записки, и вещи...

– Какие вещи?

– Картина, ну, та, которую я потом тебе принесла, – Ника густо покраснела, – только она от Лары, честное слово, от Лары, я ж не сама рисовала! Я вообще рисовать не умею! Еще духи были...

– Черная магия?

– Ага. И суп, в самый первый раз она написала, что ночевать не вернется, и чтобы я суп ела. Я ела. А потом сок бы. И вино. Да, точно, вино было, красное, я всего полбока-

ла выпила... Кажется, полбокала, а потом ничего не помню. Только у тебя очнулась.

– Совсем ничего?

– Ну... – Доминика повертела вилку в руках. – Цветы горящие, которые отчего-то на стенах росли, чудовища, Лара за мной гналась...

– *Жаль, что не догнала.* – Прокомментировала Сущность. – *У девицы явный психоз.*

– Боюсь, тут кое-что посерьезнее психоза. – Тимур окончательно убедился в правильности своей догадки. Кто-то играет в покойника. Логично ведь, Ника играла с ним, а теперь играют с ней. Декорации те же, только зритель поменялся. Для полной уверенности требовалось уточнить еще кое-что.

– Ты колешься?

– Что? – На ее лице проступило такое удивление, что Тимур сразу поверил: она не колется.

– *Доверчивый.*

– Что?

– Я спросил, ты колешься? Может быть, порошок нюхашь, колеса глотаешь, куришь, свечи ставишь? Ну, я не знаю, что еще делают. – С каждым словом Никины глаза распахивались все шире и шире, пока не стали похожи на два огромных зеленых блюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.